

АРТЁМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

**Серж Винтеркей
Артем Шумилин**

Ревизор: возвращение в СССР

Серия «Ревизор», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Не думал, не гадал матерый московский аудитор, что на шестом десятке лет помрет и угодит в СССР, аж в 1971 год. Прощай, раскрученный бизнес и уютная Mazda CX-5 с трехмесячным пробегом. Зато ... здравствуй, молодость! Вот за молодость-то все это не жалко и отдать!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	19
Глава 3.	35
Глава 4.	50
Глава 5.	68
Глава 6.	83
Глава 7.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Артем Шумилин, Серж Винтеркей Ревизор: возвращение в СССР

Глава 1.

Москва, февраль 2023 год. Удалённая от центра города промзона

За почти сорок лет работы мне довелось поработать и автомехаником, и экономистом, и бухгалтером. Пятнадцать лет назад, получив сертификат, я начал работать аудитором.

От обязательного аудита я постепенно отказался. Сегодня поиск недочётов в первичке¹ – это не мой уровень.

Основная моя клиентура – это хозяева бизнеса. Они инициируют аудит для выявления в своих компаниях воровства и его масштабов. Моя работа – определение схем и поиск виновных лиц. Как дальше хозяева бизнеса используют полученную от меня информацию меня не особо волнует.

Договора бывают разные. Иногда уходят недели на работу

¹ первичная документация: накладные, акты, счета, банковские выписки, чеки и прочее

с первичкой, на анализ сумм, списка контрагентов, объемов приобретенных материалов и их соответствие объему выпущенной продукции и т. п.

А иногда всё очень просто. Как в этом случае: одного взгляда на оборотку² хватило, чтобы понять, где «собака порылась».

Несмотря на то, что этот договор оказался просто халвой, мне не нравилось здесь всё. И ехать на этот объект надо было через всю Москву. Большая промзона с множеством корпусов, построенных полвека назад. Обстановка здесь не менялась с советских времён. Здесь можно экскурсии водить, как по чернобыльской Припяти. Стены отделанные ракушечником. Подвесные потолки. Старые ртутные лампы, две трети из которых не горит. Рисованные вручную плакаты про соцсоревнование. Доска с передовиками производства. Этих передовиков и в живых, наверное, уже никого нет.

Компания, аудит которой я провожу, арендуется здесь уже очень много лет. Небольшое производство, два учредителя. Они с нуля, почти тридцать лет, создавали эту компанию, работали на имидж, заняли внушительную нишу в своей сфере. Нарботали клиентскую базу и со спокойной совестью ушли на пенсию, передав руководство наемному директору. Какое-то время всё было нормально. Как вдруг, стабильно

² оборотно-сальдовая ведомость, показывающая остатки и обороты по счетам бухгалтерского учёта

доходный бизнес стал не очень рентабельным.

Вот поэтому я здесь.

Для работы мне расчистили стол в бухгалтерии, предоставили доступ к бухгалтерской базе. Главбухом здесь была молодая девушка лет 30–35. Представилась она Светланой, я так к ней и обратился, не скрывая своего раздражения:

– Светлана! Как можно быть такой наивной? Перечислить четырнадцать с лишним миллионов наемному руководителю под отчёт по его устному распоряжению. Какое аудиторское заключение я должен дать вашим учредителям? Что бухгалтер с генеральным прибылью вывели и поделили?

Бухгалтерша смотрела на меня огромными заплаканными глазами! Белокурая, сероглазая как моя дочка.

Как она, кстати, там, во Франции, моя девочка? Больше трёх лет уже не видел её и внуков. Иногда я сожалею, что когда-то дал развод её матери, позволил увезти дочь за границу, не видел, как растёт моя девочка.

Я, конечно, не уверен, что мы с бывшей могли бы сохранить семью: уж больно разные у нас были цели и задачи в жизни.

Ну, уехала и уехала. Баба с возу – кобыле легче. Теперь эта женщина – проблема её нынешнего мужа.

А по дочке и внукам я скучаю. У Иришки моей долго не получалось родить. Зато через 11 лет брака она, вдруг, подарила мужу двойняшек: мальчика и девочку. Им уже по 6 лет. До пандемии я регулярно летал к ним, раз в три-че-

тыре месяца. Гостил в семье дочери недели по две-три. Помогал с малышами. Мне очень у них нравилось. Иришкин муж Джозеф, вполне нормальный парень, хоть и художник.

Громкий всхлип бухгалтерши вернул меня в действительность.

– Светлана! Вот, что мне прикажете делать? – раздраженно спросил я это беременное «чудо в перьях».

Всякое бывало в моей работе. И подкупить меня пытались, и угрожали. Даже покушались как-то: по башке наступать пытались. Но меня голыми руками не возьмёшь.

За что люблю свою работу, так это за то, что можно сразу получить и деньги, и удовольствие от решения задачи, и ад-реналин.

Кстати, с моей подачи было возбуждено немало уголовных дел. Никогда мне не было жаль всех этих хитроделанных махинаторов.

Но сейчас. Так жалко стало эту дуреху. Сидит, сопли на кулак мотает...

Похоже старею, в сентиментальность впадать начал.

– Ладно. Сделаем так...

Я подсказал ей, как провести эти миллионы, чтобы самой не сильно подставиться: задолженность директора учесть как займ, начислить ему проценты по ставке рефинансирования и учесть эти проценты как прибыль компании. У налоговой вопросов, при таком раскладе, не будет.

И пусть учредители сами разбираются с этим долгом! Я

на него в своем заключении укажу.

– И если что, «Чик-чик. Ты в домике». Поняла? – учил я Светлану.

Она отчаянно кивала головой.

– На сегодня всё. Домой. К мужу. И не реветь!

Она послушно засобиравлась домой. Сидя на своём рабочем кресле Светлана с трудом натягивала и застегивала сапоги. Я, конечно, не акушер-гинеколог, но, судя по животика, она уже должна быть в декрете.

Я посмотрел на часы: шёл десятый час. Мы засиделись сегодня допоздна. Ладно я – одинокий волк. Меня дома никто не ждёт. Но она! Глубоко беременная! Куда только смотрит муж? Что за молодежь пошла бестолковая.

Посижу в этой конторе до конца недели, поищу ещё что-нибудь. Надо же гонорар отработать. Но и так ясно, как обворовывал учредителей местный генеральный. А бухгалтершу так поздно больше задерживать не буду.

Пока она одевалась, я подошел к окну и посмотрел на свою ласточку, припаркованную у входа в административный корпус, где мы располагались. Мазда CX-5. Всего четыре месяца. Пробег 3 тысячи. Включил автозапуск, пусть пока прогревается.

Я вышел в коридор и ждал, пока Светлана выйдет и закроет бухгалтерию.

– Вы на машине? – зачем-то спросил я её.

– На автобусе и на метро.

Только этого не хватало! Выбраться из этой промзоны вечером – тот ещё квест. Да и холодно сейчас на улице. Я сказал ей, что подвезу её к метро.

Лифта в этом старом здании не было, мы спустились со второго этажа по тускло освещенной лестнице. Вышли на улицу, я вдохнул полной грудью холодный февральский воздух. Машина была уже прогрета, я помог Светлане забраться на переднее пассажирское место. Ей далось это не просто: моя машина оказалась для неё слишком высокой.

Мы постояли немного перед шлагбаумом, пока нас заметил вахтер и поднял его. Мы выехали с территории когда-то крупного советского предприятия на вечернюю улицу, ярко освещенную современными светодиодными фонарями.

Ехали молча. Я что-то устал сегодня. И опять не заехал в клинику узнать результаты обследования. Иришка позвонит, опять будет ругаться: еще на прошлой неделе надо было съездить. Не хочется мне туда ехать. Вроде полегчало, сердце уже так не тарахтит.

Мне очень хочется скорее попасть домой. Стоя на светофоре я представлял себя в любимом кресле с рюмочкой коньяка.

Загорелся зеленый, я медленно двинул свою Мазду вперёд. До метро оставалось совсем ничего, всего один перекрёсток, но машин здесь было много, придётся немного потолкаться.

Светлана уже успокоилась, переложила сумку в левую ру-

ку, а правую положила на ручку двери, заранее приготовившись выходить.

– Спасибо Вам, Павел Андреевич! – проговорила она.

– Кушай на здоровье, – рассеяно ответил я девушке, сообщая, как бы остановиться поближе ко входу в метро и помочь ей выбраться из машины. А то ей прыгать придётся, родит ещё раньше времени.

Вся правая полоса у входа в метро была занята автобусами и маршрутками, протискивающимися к нескольким остановкам, расположенным одна за другой. Автобус передо мной ждал своей очереди высадить у метро пассажиров. Я пристроился за ним в правой полосе. Загорелся красный, а я так и не успел проехать перекрёсток. Слева пошёл поток машин с поперечного направления, ждавших левый поворот. Справа несколько машин перестроились в левый ряд намереваясь объехать меня. И тут справа на крайнюю правую полосу откуда-то выскочило такси и понеслось прямо на нас, точнее, прямо на Светлану.

Мне некуда было деваться. Всё, что я смог – это рвануть налево и подставить такси задницу.

– Держись! – только успел закричать я. В мою дверь тут же влетела Газель, а в задницу такси. Раздалось несколько громких хлопков. Сработали подушки.

В глазах потемнело. Боли было. Откуда-то издалека слышался женский истеричный визг. Прости меня, Светка! Я не хотел. Наступила тишина.

В полуобморочном состоянии я чувствовал, как кто-то бьёт меня по щекам. Отстаньте все. Я сплю.

Не знаю, сколько я был в отключке. Очнулся от того, что руке стало больно: кололи вену. Где-то рядом кто-то громко сказал:

– У нас остановка! Адреналин!

И я опять провалился в пустоту.

Святославль, февраль 1971 год. Река Славка.

Пришёл в себя я от обжигающего холода. Легкие раздирает жуткий кашель. Я просто захлебывался им. Меня охватил животный страх. Неужели скорая, что меня эвакуировала с места ДТП, в реку сорвалась? Я в ужасе открыл глаза.

Передо мной на коленях стоял мокрый молодой милиционер. Именно милиционер! Он был в шинели, с которой ручьем текла вода. Милиционер тяжело дыша сел, стянул с себя один сапог и вылил из него воду. Я лежал на боку тоже мокрый насквозь и никак не мог прокашляться. Было очень холодно. Я сел. Милиционер вылил воду из другого сапога и, больно ударив меня в плечо, агрессивно спросил:

– Какого чёрта ты прыгнул?! Совсем свихнулся?! Идиот!

Он обулся и встал. Я, наконец прокашлявшись, тоже встал и молча разглядывал этот сюр.

Мы стояли на берегу не очень широкой, но полноводной реки, замерзшей вдоль берегов. Чуть в стороне над нами высокий мост на бетонных опорах. На мосту с открытыми две-

рями стоял допотопный жёлто-синий милицейский уазик. К нам под мост бегом спускались с дороги люди. Первым бежал ещё один милиционер в допотопной шинели. Он был старше, выше и полнее того, что стоял рядом со мной.

– Живой! – констатировал он, подбегая к нам. Я разглядел у него погоны старшего сержанта. – Молодец, Николаев! Вытащил. Давайте бегом наверх в машину. Не май месяц.

Меня чуть не пинками погнали наверх из-под моста. Немолодой мужик в ватнике и ушанке, который спускался под мост вслед за милиционером, остановился на полпути и, когда мы поравнялись, воскликнул, глядя на меня:

– Ты что ж это удумал!? Паскудник!

– В тепле разбираться будем, – ответил за меня старший сержант.

Мы поднялись к машине.

– Давайте, на злодейские места оба. С вас течет, как из ведра, – распорядился старший сержант, и Николаев бесцеремонно затолкнул меня в отсек для задержанных и сам уселся рядом. Завыла сирена, и мы помчались по ночному городу.

Я ни с кем не спорил и ни о чём не спрашивал. Я никак не мог придумать рационального объяснения происходящему. Я помню аварию на перекрёстке, помню, что отключился.

Может, это галлюцинации? Так бывает после наркоза. А что? Допустим, мне сделали какую-нибудь операцию,

и сейчас я таким образом прихожу в себя. Может быть? Может.

А раз это галлюцинации, то пусть будут. Я посмотрю и повеселюсь. Хотя было так холодно, что совсем не весело.

Зубы у меня громко стучали, я весь трясся и, пытаюсь хоть немного согреться, стал тереть ладони друг об друга. Николаев выглядел не лучше. Причём его замерзшие руки, похоже, были в крови. Я немного напрягся, но интересно посмотреть, что будет дальше.

Я наблюдал сквозь решётку в дверях за проносящимися мимо одноэтажными домами частного сектора. Улицы освещались фонарями с тусклыми желтыми лампами накаливания. Света от них было не больше, чем от луны. После ярко освещенных московских улиц контраст был особенно заметен.

– Ты чей будешь-то? Как твоя фамилия? – спросил вдруг старший сержант через решётку между злодейским отсеком и остальным салоном уазика.

Я промолчал: мои галлюцинации? Мои! Хочу – отвечаю, хочу – молчу.

– Это Пашка Ивлев, – подсказал ему Николаев. – Я его знаю. Мы с одной улицы.

– Какой ещё Ивлев?! – не выдержав, спросил я каким-то чудным голосом. Поразился, как непривычно он звучит.

Уазик резко затормозил, и мой вопрос остался без ответа. В свете фар я разглядел крыльцо с колоннами и вывеску

«Святославская городская больница».

Старший сержант быстро вышел из машины и, избежав по ступенькам, начал молотить кулаком в высокую двустворчатую дверь. Николаев выволок меня из машины и подтолкнул к крыльцу. В темноте я успел разглядеть двухэтажное здание, похожее на помещичью усадьбу.

В ближайших окнах загорелся свет. Из-за двери послышался женский голос:

– Кто там?

– Это Ефремов. Открывай, Марин! Ихтиандра недоделанного привезли.

Двери больницы открылись. В полосе света в дверном проеме появился четкий силуэт женщины-медика в медицинском халате и колпаке.

– Почему недоделанного? – спросила она, выходя на крыльцо.

– Потому что живой, – ответил старший сержант. – Хотя, крыша у него протекла: фамилию свою не помнит.

Я все еще не мог опомниться. Для галлюцинации ощущения были слишком реалистичны. Хотя мне трудно было судить, раньше галлюцинаций у меня не было. Может так и должно быть?..

Мы всей толпой вошли в больницу. В просторном холле под высоким потолком ярко светила большая люстра с окрашенными белой краской плафонами. Пахло хлоркой и мочой. Как говорится, бедненько, но чистенько. Каменные

мозаичные полы, местами, заметно вытоптаны. Стены до половины выкрашены в грязно-желтый цвет, а выше – побелены.

Очень меня впечатлили старые, тысячу раз покрашенные, застеклённые деревянные межкомнатные двери и оконные рамы. Окна даже были заклеены от сквозняков полосами белой ткани. Потрясающие декорации!

Хотя я снова поймал себя на мысли, что для галлюцинаций это все как-то слишком натурально. И почему Советский Союз? Мое подсознание зачем-то от стресса меня решило в детство закинуть?

– Стойте у входа! – приказала врач нам с Николаевым. – Засрете сейчас здесь всё.

Наконец, я обратил внимание на эту женщину: она была молода, с красивыми чертами лица, очень строгая и уставшая. Русые волосы сзади выбивались из-под белого колпака. Она была очень стройной. Даже белый халат унисекс не мог скрыть её красивую фигуру. Какая свежая, естественная красота! Давно такой не видел. Я с удивлением и восхищением смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверями с надписью «Прием неотложных пациентов».

Николаев стянул с себя сапоги и начал стаскивать с себя мокрую шинель.

– Раздевайся! Что стоишь? – рявкнул он на меня.

Я, на всякий случай, начал расшнуровывать свои потрёпанные ботинки.

– Алексей Вениаминович! – обратился Николаев к старшему сержанту. – Я шапку форменную из-за него в реке утопил. Что мне теперь будет?

– Расстрел, Николаев! Расстрел, – ответил Ефремов.

Николаев из кармана форменной рубахи достал удостоверение. По его растерянному виду я понял, что оно потекло. Младший милиционер молча протянул свое удостоверение старшему.

– О! Тут расстрелом не отделаешься! – обрадованно заявил Ефремов, – Тут поляна! Не меньше.

Вернулась Марина с пожилой полной санитаркой в белом халате и с белой косынкой на голове. Они принесли две заношенные полосатые пижамы и безразмерные кожаные тапки без задников.

– Переодевайтесь, – распорядилась врач.

Было не очень комфортно раздеваться перед всеми догола, но я смотрел, как и что делает Николаев и повторял за ним. Мы переоделись и сразу стало тепло. Мокрую одежду и обувь мы побросали тут же на полу.

Санитарка притащила покоцанный эмалированный таз, покидала туда наше мокрое барахло и утащила куда-то. Вернулась со шваброй, с ведром и принялась старой мешковиной подтирать за нами. Полоскала и отжимала тряпку она голыми руками! Я немного зазевался и больно получил деревянной шваброй по косточке голеностопа. У меня слёзы брызнули из глаз! А санитарка даже не ойкнула. Только глянула

на меня сердито.

У согревшегося Николаева стали сильно кровоточить руки и кровь с ладоней обильно стала капать на пол.

– Что с руками? – устало спросила Марина.

– Об лёд порезался. Боялся, что нас под лёд утянет, когда этого шизика доставал. – оправдывался Николаев, показывая врачу ладони. – Река только с краёв замёрзла, а посередине такое сильное течение! Я шапку из-за него форменную потерял в реке. И ксиву испортил.

Произнеся это, Николаев вдруг покачнулся и начал заваливаться на сторону. Ефремов живенько подскочил к нему и подхватил под руки. Врач помогла усадить Николаева на стул, осмотрела его глаза, поинтересовалась, не болит ли голова и не двоится ли в глазах. Получив отрицательный ответ, чему-то кивнула мысленно и сказала, показав на руки:

– Тут шить надо. Сестру позову.

А потом добавила:

– В больнице вас пока оставлю. Понаблюдаем. Похоже, что помимо порезов на руках, у вас еще небольшое сотрясение мозга. Завтра на обходе главврач посмотрит и все решит.

– Держи руки над тряпкой! – рявкнула недовольная санитарка и бросила мокрую мешковину под ноги Николаеву. Он, как ни в чём не бывало, послушался.

– Ты и меня не помнишь? – между тем спросил меня Николаев. – Я с твоей сестрой в одном классе учился.

Я пожал плечами и отвернулся к окну. В отражении я уви-

дел юного парнишку среднего роста, субтильного, большие глаза, нос с горбинкой. И лопоухий до безобразия. В огромной пижаме не по размеру он похож был на Пьеро. Только колпака не хватало.

Я усмехнулся про себя: не просто будет ему с такой внешностью девчонок кадрить.

А кто это, собственно? Я почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы.

Где-то на лбу неприятно саднило, я машинально дотронулся до головы.

Паренёк в отражении сделал то же самое.

Глаза у него начали ещё больше округляться. Я подошёл ближе к окну. И отражение приблизилось ко мне. Я помахал рукой отражению, и оно помахало мне в ответ... Сомнений нет: там, в окне — я.

Глава 2.

Среда, 10.02.1971 г. Святославская городская больница

Я стоял в полной прострации перед окном, глядя на своё отражение. Ещё полчаса назад я был шестидесятилетним дядькой. Как я мог оказаться этим прыщавым юнцом? Может, всё-таки, это галлюцинация?

Но все ощущения просто вопили о том, что это реально. Хотя этого просто не может быть! Убежденный рационалист и прагматик внутри меня упорно твердил, что всему происходящему есть разумное объяснение, и вот-вот ситуация прояснится, надо просто еще немного подождать. Однако минуты текли, а ничего не прояснялось, ситуация не менялась. Я все более отчетливо понимал, что произошло нечто необъяснимое, и я действительно нахожусь в теле этого молодого паренька, а время откатилось на несколько десятилетий назад.

Вернулась Марина и привела с собой медсестру средних лет и возрастного доктора – высокого, крупного, седого мужчину в роговых очках и с лысиной на макушке.

Марина с медсестрой увели Николаева в процедурную. Санитарка подтерла за ним капли крови на полу и ушла. Старший сержант беседовал с пришедшим доктором. Они долго шептались у меня за спиной. Краем уха я разобрал слова милиционера:

– Да точно Вам говорю! Он сам прыгнул.

Они ещё какое-то время постояли, обсуждая мою персону, а потом вдвоём подошли ко мне и встали на небольшом расстоянии сзади. Я уже подумал, что они сейчас набросятся на меня и свяжут как буйного психа.

Я все ещё находился в полнейшем ступоре от происходящего, не успел выработать стратегию своего дальнейшего поведения и продолжал стоять лицом к окну, наблюдая за ними в отражении.

– Ивлев! – обратился ко мне старший сержант. – Объясни нам с доктором, с какого перепугу ты сиганул с моста.

Я повернулся к ним, решив идти в несознанку:

– Не помню.

– Вот. Он даже фамилию свою не помнит, – сказал Ефремов.

– Он в воду упал? Не мог он там обо что-нибудь головой удариться? – уточнил доктор и подошёл вплотную ко мне. Он уверенно убрал мою руку от моего же лба.

– Это что за шишак? Синяка еще нет, только ссадины. Травма свежая. – констатировал он.

– Юрий Васильевич, честно сказать, я не видел, как он упал, – оправдывался старший сержант. – Там, куда он сиганул с моста, река не замерзла, это точно. Об лёд он удариться не мог. Если только под водой что-то было. Или там опоры бетонные у моста, его течением как раз на них потащило. Может и врезался. У него что, эта? Как её? АмнЕзия?

АмнЕзия! Цирк! Но легенда для меня сейчас оптимальная. Пока не пойму, что здесь происходит, будет очень удобно все казусы объяснять потерей памяти.

– Не знаю. Будем наблюдать, – ответил доктор. – Полежит у нас недельку. Может, вспомнит, что его на этот «подвиг» толкнуло. Да? Ивлев!

Я молча кивнул. Мне сейчас передышка ой как нужна.

– Еще пригласите мне его родителей, – попросил доктор старшего сержанта. – Как, значит, его зовут?

– Вроде, Пашка. Николаев мой точно скажет. Он его знает, на одной улице живут.

– Хорошо. Пойдём, Ивлев, – сказал доктор, бесцеремонно развернул меня за локоть и, пихнув ощутимо в спину, подтолкнул меня в сумрачный коридор, в который Марина уведла Николаева.

Мы прошли мимо нескольких закрытых дверей и подошли к открытой двери с надписью «Процедурная». Доктор уверенно зашёл туда. Я вошёл за ним и скромно встал у входа.

Николаеву, по-видимому, уже зашили порезы на ладонях. Лицо его было очень бледным. Сестра бинтовала ему правую руку, левая была уже забинтована.

– Противостолбнячную сразу поставь ему, – сказал доктор Марине.

– Хорошо.

– Что тут?

– Переохлаждение. Шесть швов на правой руке, четыре на левой. Первое время даже ложку держать не сможет ни той, ни другой рукой. И еще у него головокружение довольно сильное. Возможно, ударился головой.

– Так, и этот тоже с ушибом головы! Возможно, и правда в реке там что-то есть. Ну ничего! До свадьбы заживёт! Но недельку пусть полежит, понаблюдаем.

Сестра задрала Николаеву пижаму, и Марина уколола его простым многоразовым стеклянным шприцем под лопатку. Лицо милиционера сморщилось, как будто он раскусил лимон.

Мне стало жаль его. Как я понял, он спас меня, вытащил тонущего из реки. Рисковал, можно сказать, собой! И пострадал в итоге.

– Марина, положи их. – распорядился Юрий Васильевич. – Ихтиандр не помнит, как его фамилия, но твой больной его знает, уточнишь у него, когда карту заполнять будешь. Я пошел к Ефремову.

– Хорошо, – ответила Марина. – А куда их? В Терапию?

– В Хирургию.

– Хорошо.

Медсестра прибиралась на процедурном столике. Марина что-то записывала в толстом журнале.

Николаев встал с табурета, на котором сидел, и остался стоять, пошатываясь. Лицо его еще больше побледнело, его резко повело в сторону. Я бросился к нему и подставил ему

плечо, чтобы он оперся на меня, как на костыль.

Женщины всполошились, усадили его обратно на табурет, сунули под нос ватку с нашатырем. Я встал сзади и поддерживал его.

Через некоторое время Марина спросила Николаева, как он себя чувствует и предложила ему перейти в палату и лечь. Вместо ответа, он кивнул головой и сделал вторую попытку встать. Я сразу подставил ему плечо и попросил врача дать мне с собой ватку с нашатырем, на всякий случай.

Так мы и побрели за Мариной по сумрачному коридору.

Если это галлюцинация, то уж очень реалистичная и детализированная. До мелочей, до запахов, до болевых ощущений. Что-то тут не так.

Мы прошли через холл в противоположный коридор. Хирургия располагалась на первом этаже. Было поздно, больница спала. Только из приоткрытых дверей единственной палаты падал в коридор свет. Я догадался: нам туда. Там нас ждала уже знакомая санитарка.

– Тётя Вера, положи их. Я за картами, – сказала Марина и вышла.

Я огляделся. Сама палата была небольшой, но высокий потолок делал её просторной. В палате было одно большое окно с широким подоконником. Из мебели только пять панцирных коек, вместо тумбочек, высокие табуреты с полкой и у каждой койки в ногах стоял стул.

На одной из коек тётя Вера, пыхтя, натягивала простыню

на матрас, целиком сшитый из подкладной резинотканевой клеёнки.

Под каждой койкой стояло судно. Около стены стоял эмалированный таз с красной надписью масляной краской «Для вроты». Слава Богу, пустой.

Две койки были уже заняты. На одной лежал щупленький дедок, с любопытством рассматривающий нас. На второй кто-то пытался спать, отвернувшись к стенке и завернувшись с головой в одеяло.

– Ты ложись туда, а ты – туда, – приказным тоном распорядилась тётя Вера, показывая нам на койки в разных концах палаты.

– Тётя Вера. Товарищ милиционер из-за меня сильно руки повредил. Ему может помощь потребоваться. Можно мне с ним рядом койку? – включил я талант дипломата. На самом деле, мне не хотелось лежать непонятно с кем, отвернувшись в стенку.

– Ладно, уговорил. Ложись рядом, – согласилась тётя Вера. – Наволочку, на, надевай.

Подушка тоже была из клеёнки. Я не очень представлял себе, как можно спать на такой постели. Но делать было нечего, я надел наволочку на свою подушку.

Тётя Вера молча кинула в меня второй наволочкой, кивнув в сторону второй койки для Николаева. Я послушно натянул наволочку на вторую подушку и сам застелил простынь на своей койке. Тётя Вера ушла, шаркая тапками

по полу.

На стуле рядом с койкой Николаева лежали еще две простыни. Я одну взял себе. Свободных одеял нигде не было. Не май месяц! Как без одеял?

Николаев молча лёг на свою койку и с облегчением вытянулся.

– Коновалы... – только и сказал он.

Я присел на свою койку. Дедок на средней койке приподнялся на локте.

– Сынки! Курить есть? – с надеждой спросил он.

– Извини, отец. Утопил сегодня всё, что было, – Ответил Николаев.

Дедок вопросительно уставился на меня.

– А я не курю. Наверное, – помедлив ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям: курить совсем не хотелось.

– Жаль, – разочарованно пробормотал дедок. – Я Митрич. А ты, правда, милиционер? – спросил он Николаева.

– С утра был милиционером, – пробурчал Николаев.

– Как звать тебя, фараон? – спросил с сарказмом Митрич.

– Иван.

– Ванька, стало быть. А ты кто будешь? – обратился дедко мне.

– Понятия не имею, – раздраженно ответил я. Этот допрос начинал меня доставать. Невооруженным взглядом было видно, что этот Митрич не так прост, как хочет казаться.

– А ты не дерзи старшим! – притворно ласково произ-

нес дед.

– Я не дерзю. Я не помню, – сказал я примирительно.

– Пашка его зовут, – разрядил обстановку Иван.

– А как это не помнишь? – заинтересовался Митрич.

– Не помню и всё.

– А что не помнишь?

– Всё не помню.

– А что-нибудь помнишь?

– Помню, как Иван чуть в обморок не упал в процедурной, – решил я сменить тему.

– Ага! Тебе бы наложили столько швов наживую, – огрызнулся тот.

– Попросил бы обезболить... – неуверенно начал я.

– Кувалдометром по башке! – заржал Митрич.

– Да, хотя бы спирта налили бы, – обиженно сказал Иван. –

Изверги.

Я сидел и помалкивал. Разговор в палате плавно перешёл на водочку под огурчики с картошечкой жареной на сальце. А потом также плавно вернулся к куреву.

– Слышь, Пашка, – позвал меня Николаев. – Сбегай в холл, глянь, может Вениаминыч еще не отчалил. Попроси у него курева. Скажи, для меня. Давай бегом!

Я не привык, что со мной так разговаривают. Хотел было послать, но вспомнил, что я дохляк-подросток и встал с койки. Надо как-то вживаться в новую реальность. Мысленно я для себя решил, что отпущу ситуацию и посмотрю, к чему

все пойдет. Повлиять я, пока, все равно ни на что не могу. Чего дергаться лишний раз?!

Тапки, которые мне выдали, были огромного размера, слишком просторные для моих худых ног. Я старался не отрывать ноги от пола, чтоб не потерять их при ходьбе, получалось передвигаться как на лыжах, издавая характерные шаркающие звуки. Вот почему у них тут так вытоптаны каменные плиты на полу.

Я брёл по сумрачному коридору. Проходя мимо одной из дверей я увидел надпись «Туалет». О! То, что надо.

Я зашёл в местный санузел. Запах стоял невероятный! Хотя, вроде, чисто. Три толчка вдоль стены, разделенных между собой перегородками. А дверей нет. И бачки сливные висят высоко, почти под потолком. Чтобы слить, надо дёрнуть за верёвочку. Какой-то шутник привязал к концам веревок клизмы вместо ручек. Такой раритет я видел только в далёком-далёком детстве. На подоконнике лежала частично разорванная газета. Я машинально взял ее в руки, вспомнив, что, когда я был маленький, туалетной бумаги у нас не было. Как раз газетами и пользовались.

Я крутил в руках газету «Труд». Такой раритет! Правда, выглядит она, как свежая.

Прочитал дату: Вторник, 9 февраля 1971 год.

Да ладно!

Ещё раз перечитал: 1971 год.

Ну, так-то всё становится на свои места.

Вспомнив, зачем сюда пришёл, занялся делом. Потом дёрнул за клизму, из бачка наверху слилась вода. Толчок по уши зарос коричневым мочевым камнем. Он-то и воняет. Вот, жили!..

Надо идти. Я вышел в коридор и побрел дальше. Моё шарканье гулко отдавалось под сводами высокого потолка. В холле никого не было. Тускло горела только дежурная лампочка над входной дверью. Проходя мимо окна я заметил милицейский уазик у крыльца больницы. Значит, старший сержант был ещё где-то здесь.

Свет был только в приемном, я направился туда. До уровня моего роста стёкла в двери были покрашены белой краской. За дверью слышалось какое-то похрюкивание и позвякивание. Я постучался.

В приемном резко всё затихло. Я постоял немного и постучался ещё раз. Вдруг дверь резко распахнулась, и передо мной оказался старший сержант Ефремов.

– Тьфу! Это ты! Жертва аборта! Напугал! – гаркнул он, залепил мне увесистый подзатыльник и пошёл обратно к столу, за которым сидел доктор Юрий Васильевич.

Что я сделал-то?! Может, они бухали тут? Но я не заметил ничего подозрительного. На девственно чистом столе перед доктором стоял только металлический штатив с двумя рядами пробирок.

– Чего тебе? – раздраженно спросил меня доктор.

Я замялся, не знал, что сейчас курят, сигареты или папи-

росы. Но вспомнил, как в палате говорили «курево».

– Меня Николаев прислал. Он просил узнать, нет ли у вас с собой курева. А то он своё утопил.

– Есть, – сказал Вениаминович. – Иди в машине возьми, в дверце.

И он сел за стол, не обращая больше на меня никакого внимания. Они с доктором взяли по пробирке со штатива, чокнулись ими и залпом выпили. Доктор сделал такое лицо!.. Всё понятно. Занюхав рукавом, он посмотрел на меня, так и стоящего в дверях.

– Ну, что тебе ещё? – спросил он.

– А ключи?

– Какие?

– От машины.

– Иди отсюда! – погнал меня старший сержант. – Ключи ему.

Я вернулся в холл. Ничего не понимая, направился к выходу на улицу. Дверь была заперта на засов. Я отодвинул его и вышел на крыльцо. Стояла тихая морозная ночь. Редкие тусклые фонари освещали только небольшое пространство вокруг себя, выхватывая из темноты частные дома. Картина эта напомнила мне онлайн-открытки с похожими сюжетами: вечер, уютный деревенский домик в снегу, свет в окошке, дымок из трубы и надпись «Позвоните родителям!».

Стоя в пижаме на голое тело и в тапках без задников на босу ногу я моментально замёрз. Торопливо подошёл, стараясь

не потерять тапки, к милиционерскому узику и дёрнул водительскую дверь. Она открылась. Ефремов не запер машину.

Я пошарил в дверце и вытащил начатую красную пачку сигарет «Прима». С детства таких не видел. Забыл уже, что и были они раньше.

Я открыл пачку, понюхал, вытащил одну сигарету, она была без фильтра. И не похоже, что этой пачке 100 лет в обед. Она выглядела как новая. В голове снова мелькнула мысль, что так и умом тронуться можно. Отбросил эту мысль в сторону, напомнив себе, что решил расслабиться и посмотреть за развитием событий.

Держа в руке заветную пачку Примы, я захлопнул дверь машины и поспешил в больницу. Чуть не забыл запереть засов. Шаркая тапками вернулся к приёмному и постучал в дверь.

– Ивлев! Твою мать! Ты штоль опять? – услышал я дикий рык Ефремова. – Хорош стучаться!

– Я там Приму начатую нашёл и всё, – доложил я, заглянув одной головой в приёмный.

– А что ты там ещё хотел найти? – хохотнул доктор. – Табачный киоск?

Они оба заржали. Алкаши.

Я вернулся к себе в Хирургию. Свет в палате остался только дежурный: тусклая лампочка над дверью. На стуле у моей койки лежало тонкое шерстяное одеяло и маленькое вафельное полотенце. Иван уже был укрыт и, похоже, спал. За-

то дедок Митрич ждал меня.

– Ну, что? – спросил он меня.

– Есть полпачки Примы.

– Давай!

– Не дам.

– Чего?!

– Это не моё. Это Ивану передали. Вот проснется и сам даст.

– Дай ему сигарету, – вдруг сказал Иван.

Он еще не заснул, оказывается.

Я послушно подошёл к деду и протянул ему пачку. Дед вытащил три сигареты и вернул пачку мне, а я передал её Ивану.

– Хорошо, что ты успел догнать Вениаминыча, – проговорил он, вытаскивая одну сигарету.

– Да они с доктором бухают в приемном, – возразил я.

– Они могут, – блаженно улыбаясь, сказал Митрич, прикуривая сигарету.

– Ты что, старый! Здесь курить будешь? – не выдержал я.

– А кто мне запретит? Ты штоль? – беззлобно ответил Митрич, выпуская струю дыма.

– Кинь спички, – попросил Иван деда. Митрич кинул коробок ему на одеяло, Иван кивком попросил меня прикурить.

– Вы что все здесь, с дуба рухнули? – растерянно спросил я их. – Вы что в палате курите?

– А где нам курить? – не понял Иван.

– Блин. Ну, на улице, – предложил я.

– Ты ещё скажи, в туалете, – съехидничал дед.

– Вы про пассивное курение что-нибудь слышали? – начал заводить себя я.

– Не, не слышали. И слышать не хотим! – послал меня Митрич.

– Вдыхать сигаретный дым некурящему человеку гораздо вреднее, чем курящему затягиваться, – настаивал я на своём.

– Угомонись. Нас большинство, – выставил свой аргумент Иван.

– А может четвертый сосед тоже против! – возразил я.

– Он не против. Ему пофиг, – ехидно прошептал дед. – Его любовник жены избил, когда этот раньше времени из командировки вернулся.

Я молчал. Перспектива круглосуточно находиться в курилке меня совсем не радовала. Если мне нет 18 лет, то я ещё ребёнок, и надо требовать перевода в другую палату.

– Вань, а мне сколько лет? – спросил я.

– Ну ты спросил! – заржал дед.

С появлением курева настроение у всех улучшилось.

– Ну, мы с твоей сеструхой в 8 класс пошли, а ты в первый. Мне сейчас 24, значит, тебе 16, – не торопясь вычислял Иван, время от времени затягиваясь сигаретой и выпуская клубы дыма.

– Получается, я еще несовершеннолетний?

– Получается.

– Значит, мне положено в детскую палату.

– Зачем? – не понял Митрич.

– Хочу в палату для некурящих, – объяснил я.

– Не кипишуй, – осадил меня Иван. – Спи давай. Мы не будем больше курить.

– Сегодня! – подсказал дед и опять заржал.

Весёлые какие. Мать их за ногу. Я только обрадовался, что курить не тянет. Когда сердце у меня начало тарахтеть не по-детски, за полгода где-то до ДТП, медики запретили мне курить. А курил я, на минуточку, с 8 лет! Все эти полгода промучился: курить тянуло. А сегодня вдруг почувствовал: свободен! Это так здорово!

Я улегся. В мыслях мелькали сумбурные события сегодняшнего дня. Я никак не мог понять, что со мной произошло. Как я мог переселиться в другое тело в прошлое? Что стало с моим старым телом? Я умер? Мазда хорошая машина, там подушек сколько. И они сработали, я слышал. Похоже, сердце у меня, всё-таки, оттарахтелось. А мальчишка? Если я занял его место здесь, получается, он умер? В смысле, утонул и покинул тело? Никогда не верил в реинкарнацию, но тут задумался и сам не заметил, как уснул.

Проснулся я от громких голосов и яркого света. Чувствовал я себя совсем невыспавшимся. Мне казалось, что я только мгновение назад заснул.

В палате царила какая-то суета. Сестра раздала нам стек-

лянные ртутные градусники.

– Который час? – спросил я.

– Шесть, – ответила она, пытаясь растормошить нашего четвертого соседа.

Она резко повернула его на спину и сдернула одеяло. Мужчина застонал, держась за сердце. Лицо его было одним сплошным синяком. Я сразу проснулся. Сестра крикнула:

– Позовите кого-нибудь!

– Кого? – не понял я.

– Марину или Юрия Васильевича!

– Понял! – подхватился я и босиком побежал искать врачей. Каменный пол был ужасно холодный. Я выбежал в холл, там никого, забежал без стука в приёмный. Там на кушетке спал Ефремов, а доктор спал, сидя за столом.

– Подъём! – заорал я что есть дури.

Глава 3.

Четверг, 11.02.71 г. Святославская городская больница

Мужики сразу повскакивали.

– Что ещё? – первым включился доктор. Тренированный. Старший сержант немного тормознул, но тоже быстро пришёл в себя.

– Там больной помирает! – доложил я.

– Где там? – недовольно переспросил Юрий Васильевич, выходя в холл.

– У нас в палате, в Хирургии.

Доктор быстрым уверенным шагом направился к нам. Я за ним. Ноги замёрзли! Первым делом, когда мы вошли в палату, я засунул их в свои тапки.

– Только что загрузился, – доложила сестра.

Доктор наклонился над мужиком, потом вдруг резко схватил его за руку и за ногу и сдернул с койки на пол. Быстро встал перед мужиком на колени и своим здоровенным кулачком с размаху ударил его по груди. Потом ещё раз.

Сестра в этот момент держала мужика за горло.

– Есть, – сказала она, – даже отжиматься не пришлось.

Доктор отхлестал мужика по щекам, и тот открыл глаза.

– Так. Надо его на койку поднять, – сказал доктор.

– Что ж вы, батенька?! – осуждающе выговорила сестра мужику.

Бедный мужик хлопал глазами, пытаясь приподняться, но доктор ему не позволил.

– Помогите мне, – потребовал Юрий Викторович.

Я подошёл к нему, но меня отодвинул Ефремов, стоявший, как оказалось, всё это время в дверях.

Вдвоем с доктором они подняли мужика на его койку.

– Тощий, а такой тяжёлый, – крихтя, проворчал старший сержант.

– Ты давай это брось, – сказал мужику доктор, держа его за запястье. – Ещё не хватало из-за бабы сдохнуть.

– Я не из-за бабы, – промычал мужик, – я из-за детей переживаю.

В этот момент сестра принесла штатив с полной бутылью. Я даже не заметил, когда она успела выйти из палаты. Заметил только, когда вернулась.

– И из-за детей не надо так убиваться, – успокаивающим голосом сказал доктор и поставил мужику в вену капельницу, – зачем детям отец в белых тапочках?

Сестра примотала иглу бинтом к руке и ушла. Доктор ещё немного постоял и тоже ушёл. Никто и слова не сказал, что в палате сигаретный дым коромыслом.

– Петрович. А давай хату им спалим, – сочувственно предложил Митрич мужику.

– Это моя хата, – ответил равнодушно Петрович. Успокоительное ему, что ли, вливают? Лежит как зомби, в потолок уставился. У него, похоже, нос сломан. Но чуть не скопытил-

ся он сегодня не от этого. С сердцем шутки плохи. Уж я-то знаю.

Но доктор. Красавчик. Голыми руками Петровичу движок завёл.

Как здесь интересно.

Ещё бы понять, с какого перепугу Пашка Ивлев с моста бросился? Молодой же, вся жизнь впереди.

Пришла медсестра.

– Варлен Дмитриевич, укольчик! – обратилась она к деду.

– Нет меня, – спрятался под одеяло дед.

– Рано ты, горемычный, прятаться начал, – подколола деда сестра, стаскивая с него одеяло, – сорок уколов! А сейчас только третий.

– Вот ты ехидна, Валька! – обиженно заявил Митрич, заголяя живот.

– А не надо было лису хватать, – строго сказала она, уколола деда и вышла из палаты.

– Она курицу задушила! – крикнул Митрич ей вдогонку, сжимая кулаки то ли от боли, то ли от ненависти к лисе.

– Вилами её надо было, – посоветовал Иван.

– Тебя лиса бешеная покусала? – удивился я.

– Может и не бешеная. Но всё равно тварь. Всю икру разодрала, – ответил дед, задирая на правой ноге пижаму и показывая толстый слой бинтов с жёлтым пятнами.

– А что за имя такое: Варлен? Иностранное? – любопытствовал я.

– Сам ты иностранный. Варлен это Великая АРмия ЛЕ-
Нина, – гордо сказал дед.

– Понял, – усмехнувшись про себя сказал я и лёг на кровать. В животе заурчало.

– А когда здесь кормят? – спросил я.

– Жрать хочешь? Значит, жить будешь, – отозвался Иван. – Скоро, наверное, накормят. Митрич, когда завтрак?

– В 8 утра. Ещё час ждать, – ответил дед.

А есть так хотелось! Такого сильного голода я давно не испытывал. Что значит молодой организм. А мозги старые. Передо мной здесь такие возможности открываются исключительные. Рациональная часть моей личности все еще отказывалась до конца поверить в произошедшее. А вот эмоции давали о себе знать. Периодически ловил себя на том, что испытываю что-то похожее на эйфорию, ловя кайф от ощущения молодости, силы, бурлящей в жилах энергии.

И всё же. Почему ты, братец Пашка, с моста прыгнул? С высоты своего опыта я видел только одну объективную причину для такого поступка: смертельная болезнь с мучительным концом. Со всем остальным можно и нужно жить.

Хотя в юности любой мало-мальский стресс воспринимается как трагедия вселенского масштаба.

Я прикидывал варианты «трагедий», с которыми мог столкнуться Пашка.

Первое, что пришло в голову: несчастная любовь. Влюбился паренек в девицу стервозную. Сам-то с виду неказист,

шансы закадрить не самые лучшие, мягко говоря. А она может еще поиздевалась как-то или условие какое поставила невыполнимое. Мог пойти с горя и сигануть. Хотя, конечно, такой сценарий говорит не в пользу Пашкиного характера. Глупость откровенную спорол.

Второе: с родителями не повезло, они алкаши или психопаты. Но всегда можно сбежать от них, поступив учиться куда-нибудь, где есть общага. Да хоть в суворовское училище.

Третье: в школе с учителями или одноклассниками проблемы. – Смотри вариант номер два.

Безвыходных положений не бывает.

В палату заглянул Ефремов и кивком головы вызвал в коридор Николаева. Коротко проинструктировал его о чём-то и ушёл. Иван вернулся на свою кровать и опять закурил.

У меня уже в горле першит от дыма и глаза слезятся. Ну ничего. Скоро у них сигареты закончатся.

Из коридора слышался громкий стук каблуков, в комнату почти вбежала женщина лет пятидесяти плюс-минус. Выше среднего роста, тёмно русая, стройная, миловидная. Ей бы выспаться и была бы красавица.

– Павлик! Сынок! – бросилась она ко мне.

Я резко сел в койке. Вот так номер. Это моя матушка. Она присела рядом, обняла меня и расплакалась. В дверях показался Ефремов.

– Ну-ну, – обнял я её за плечи, – всё хорошо.

– Ты не пришёл вчера домой! – сквозь слёзы жаловалась

матушка. – Я ходила к участковому. А ночью позвонили, сказали, что ты в реку упал, и тебя отвезли в больницу.

В реку упал – хорошо сказано. Она не знает, что я сам прыгнул? Или не хочет говорить при всех? Я взглянул на старшего сержанта. Он молча стоял в дверях и многозначительно сверлил меня взглядом. Что-то тут не то.

Ну упал, так упал.

– Тут такое дело, – начал я. – Похоже, я вчера головой сильно ударился. Короче, не помню я ничего. Совсем ничего.

– Как?! – опять зарыдала почти уже успокоившаяся мать.

– Как-то так, – не нашелся я, что ей ответить.

Матушка оглянулась на Ефремова. Тот только развёл руками.

– Но что-то же ты помнишь?! – в надежде спросила она.

– Последние несколько часов помню. И всё, – соврал я.

– Как же так?! – прижала она к губам непонятно откуда взявшийся тряпичный носовой платок. – Но это же пройдёт?

Матушка опять оглянулась на старшего сержанта. Тот пожал плечами.

– Вы бы к доктору зашли, – подсказал он ей.

– Да-да, – сказала матушка, вставая, – иду!

Она вышла из палаты. Мне она понравилась. Мягкая, нежная, немного неуверенная. Обо мне так искренне беспокоится! Это так трогательно.

Я посмотрел на старшего сержанта. Он стоял, опершись

на дверной косяк, и курил!

– А можно мне в палату для некурящих? – спросил я.

– Ты будешь лежать здесь. Под присмотром Николаева, – тихо, но жёстко ответил Ефремов. – Или мы с доктором дадим ход твоему делу, и ты ляжешь в психушку, – проговорил он с нажимом. – И тебя поставят на учёт. Выбирай.

У меня челюсть отвисла. Так меня здесь опекают? Исправляют мои ошибки? Не дают пацану испортить себе жизнь? За какие такие заслуги? Или не так: за чьи заслуги? Явно не Пашки Ивлева. Похоже, у меня батя здесь в авторитете.

И мама у Пашки хорошая. Так что родители-придурки это похоже не его случай. Причину Пашкиной «трагедии» надо искать в другом.

В палату вернулась мама. Лицо ее было встревожено. Она села ко мне на койку и погладила по голове.

– Я на работу. Скоро придёт бабушка, принесет поесть и тёплые вещи, – сказала она, поцеловав меня в лоб.

О, ещё и бабушка есть. Парень вообще в шоколаде.

Матушка ушла. А я лежал и обдумывал ситуацию.

– Как настроение? – подсел ко мне Николаев. Ему явно что-то было нужно.

– Нормально, – ответил я, вопросительно взглянув на него.

– Как самочувствие?

– Нормально.

– А с моста вчера чего сиганул?

– Я не помню. Может, я поскользнулся и нечаянно упал?

– Конечно, – задумчиво проговорил Иван. – Нечаянно через перила перелез...

– Я честно не помню. Может, конфликт какой-то с кем-то? Ты ничего не слышал? – спросил я.

– Нет.

– Может, в школе что? – не терял надежду я.

– Не знаю.

– Может у меня любовь безответная?

– Гадать можно до второго пришествия, – оборвал меня Иван.

– А кстати, какое сегодня число?

– 11 февраля.

– Семьдесят первый год?

– Ну а какой же?

– Я так, уточнил просто.

– Завтрак! – послышался в коридоре зычный женский голос.

– О! Поедим! – обрадовался я. – Пойдемте?

– Куда? – хором спросили Митрич и Иван.

– На завтрак.

– Сиди. Сюда принесут, – осадил меня дед и сел в кровати. Он вообще мало ходил. Видимо, лиса его сильно потрепала.

Я ждал, сидя на кровати и нетерпеливо потирая руки о колени. Вскоре дородная высокая хохотушка, похожая на Нонну Мордюкову, в белом халате с темной косой, торчащей из-

под белой косынки, вкатила в палату двухуровневую тележку, похожую на сервировочный столик на колесиках.

На тележке сверху я разглядел разваренную гречневую кашу в мисках из нержавейки. На втором уровне стояли кружки, накрытые подносом с хлебом. На каждом ломтике хлеба маленький кусочек масла.

– Проголодались?! – громко спросила буфетчица. – Налетай!

С её появлением как будто ураган в палату ворвался. Хохотушка проворно расставляла нам миски с кашей и кружки по высоким табуреткам у изголовья коек. Потом положила каждому на кружку ломтик хлеба с маслом.

– Приятного аппетита! – хохотнула она и скрылась в коридоре со своей тележкой.

Я был очень голоден. Жидкая каша закончилась быстро. Ложки у меня не было, и я кашу просто выпил и вылизал миску. Чай я выпил еще перед кашей, так как не пил со вчерашнего вечера. Дожевывая несчастный ломтик хлеба вместе с кусочком масла, я огляделся вокруг.

Митрич, заметив мой голодный взгляд, предложил мне свою кашу, так и стоявшую нетронутой на его прикроватном табурете.

– А ты? – спросил я его для приличия, находясь на низком старте у своей койки. Митрич только махнул рукой.

Вторая тарелка с кашей продержалась чуть больше, её я вылизывал уже не спеша, с чувством, с толком, с расстанов-

кой. Сложив пустые миски одна в другую, я, наконец-то, заметил, как переглядываются Иван и Митрич.

– Аппетит хороший. – с усмешкой сказал Иван.

Мне было всё равно. Утолив голод, я почувствовал острое желание взять под контроль свою новую жизнь. Я подсел к Ивану.

– Как думаешь, долго мне здесь ещё торчать? – спросил я его.

– Если бы ты мог мне объяснить, по какой причине вчера с моста сиганул, я бы знал, что тебе ответить, – сказал он серьезно. – А так, пока мы не выясним, что тебя заставило это сделать, будешь сидеть здесь.

– Но почему? Я же не собираюсь повторять попытку.

– Это ты не помнишь ничего. А если вспомнишь?

– А если не вспомню?

– А не важно! Причина никуда не делась. Ты просто о ней забыл. Выйдешь из больницы, она сама о себе напомним. И опять – здравствуй, мост.

– Логично, – ответил я. – Хотя, нет! Сейчас я уже, наверное, смог бы разобраться с любой проблемой.

– Да что ты, – язвительно ответил Иван.

Я не обиделся. Учítывая, как я сейчас выгляжу, это действительно прозвучало самонадеянно.

– Мне кажется, не обязательно именно в больнице отсиживаться. Думаю, дома тоже безопасно. Вряд ли причина там.

– С чего ты взял?

– Ну, ты видел мою матушку? Она классная.

– Ну, не знаю...

Я махнул на него рукой, вернулся на свою койку и попытался уснуть. Ночь была суматошной, я не выспался.

Я задремал, мне приснилась матушка улыбающаяся, добрая и ласковая. Не успел я насладиться своим сновидением, как в палату шумно вошла целая врачебная делегация.

Утренний обход, догадался я. Пока я спросонья протирал глаза, доктор Юрий Васильевич, стоя у койки пострадавшего от любовника жены Петровича, докладывал другому престарелому доктору об утреннем происшествии. Старичок доктор напомнил мне профессора Преображенского из фильма «Собачье сердце», очень похож. Он не спеша присел на стул, который ему предусмотрительно подставила Марина.

– Как Вы, батенька, себя чувствуете? – спросил старый доктор Петровича, держа его за запястье.

– Нормально, – ответил Петрович.

– Прекрасно, прекрасно, – повторял старый доктор, слушая Петровичу грудь. А потом он распорядился перевести его в Терапию.

– Хорошо, Демьян Герасимович, – ответила за всех Марина.

Демьян Герасимович перешёл к койке Митрича и разговаривал с ним какое-то время «за жизнь». Потом он перешёл к Ивану и тоже обсуждал с ним «дела семейные».

Посмотрев утром, как Юрий Васильевич кулаком реанимировал Петровича, я подумал, что старый доктор тоже не просто так с больными «ни о чём» разговаривает, он что-то для себя проверяет. Они тут приучены с любой проблемой справляться, как в анекдоте про русского космонавта, с помощью подручных средств и какой-то матери. Сейчас со мной будет говорить. Не спалиться бы, а то не выпишет.

– Ну-с, молодой человек. Как у вас дела? – пересел Демьян Герасимович к моей койке.

– Лучше всех! – как мог бодрее ответил я.

– Прекрасно, прекрасно. А чувствуете себя как?

– Тоже лучше всех. Домой хочу.

– А что Вам дома делать?

– К экзаменам готовиться. Десятый класс.

– Прекрасно, прекрасно. А какие у Вас планы после школы?

– Ещё не думал, может, в моряки пойду.

– Прекрасно, прекрасно. Так, в каком году Вы родились?

Подловил! Старый чёрт.

А у меня ещё профессиональная деформация: считаю только с калькулятором.

Как-то надо вычислить в уме, в каком же году я родился: 1971 минус 16 это 1971-10-6 это 1961-6 равно 1955.

– В пятьдесят пятом, – медленно ответил я с заметной поддержкой.

Доктор всё это время не отрываясь смотрел на меня. Его

хитрые глаза видели меня насквозь. Я смущённо улыбнулся и вскинул вверх руки, типа сдаюсь.

– Прекрасно, прекрасно, – завёл было свою шарманку Демьян Герасимович и вдруг сказал: – Но в школу Вам ещё рано.

– Да, я понял, – ответил я.

Демьян Герасимович так по-доброму улыбнулся, что я даже не расстроился.

Делегация направилась к выходу из палаты.

Я переглянулся с Иваном, он развёл руками, типа, ну, не судьба. Ладно, буду пока лежать в больнице.

Тут в палату одной головой заглянула девушка.

– Привет! – широко улыбаясь сказала она.

Ох, хороша, каналья! Наверное, как раз про таких говорят: кровь с молоком. Выше среднего роста, рыжая коса до пояса. Стройная, но при теле. Грудь, просто АХ.

– О! Вероничка! Ты как здесь? – спросил заметно оживившийся Иван.

– Земля слухами полнится, Ванечка! – игриво сказала она, вошла в палату, взяла стул у моей койки, оставленный после обхода, и уселась перед Иваном. – Говорят, ты вчера с Большого моста прыгал?

Я во все глаза наблюдал за молодыми людьми. Вероника вдруг повернулась ко мне.

– Это тебя спасти пришлось? – спросила она, с любопытством разглядывая меня.

– Павел, – представился я, протягивая ей руку.

– Э! Пашка! Куда руки тянешь? – рявкнул на меня Иван.

УПС! Мне же 16. Я взглянул на Ивана: глаза его метали молнии.

– Это Вероника, моя невеста, – сказал он с ударением на слове МОЯ.

– Понял, понял. Не дурак, – примирительно сказал я и лёг на свою койку.

Какой ревнивый. Но девка реально хороша. Если ещё и с мозгами, и добрая, то цены ей нет.

Вероника надолго не задержалась. Как я понял из их с Иваном разговора, у неё был перерыв, она спешила вернуться на учебу. Обещала забежать ещё раз вечером. Она оставила Ивану треугольный пакет молока и плюшку сердечком.

Чем хороши маленькие города, это относительно небольшими расстояниями. Трудно представить, как в Москве кто-нибудь два раза в день навестил бы кого-то в больнице между учебными парами. Судя по всему, городишко, куда меня занесло волей неизвестных мне сил, совсем небольшой. Как он там называется? Святославль? Ну, раз на больнице вывеска «Святославская». В какой хоть это области?

Я вдруг осознал, что уже не впадаю в ступор от одной только мысли о произошедшем со мной. Размышляю обо всем вполне отстраненно, даже с каким-то интересом. Все-таки человеческая психика – невероятно гибкая штука,

ко всему приспособиться может.

Медсестра Валентина прикатила в палату каталку и увезла Петровича вместе с его подушкой, одеялом и простынями. Прощаясь с ним, мы пожелали ему не вешать нос.

Я лежал и в полудреме думал о поворотах судьбы. Ещё вчера утром я планировал свою старость, а сегодня утром у меня вся жизнь впереди и все дороги открыты. Я могу профессию сменить. Например, стать военным. Нет, военным не надо: в 90-х им очень туго придётся. Хотя, тогда всем туго было. О, кстати, надо будет в приватизации как-то грамотно поучаствовать. Тогда колхозники гектарами землю на водку меняли. Ваучеры... Что там с ваучерами было?

Вдруг что-то тяжелое плюхнулось мне на живот. От неожиданности я матернулся, открыл глаза и тут же получил ладонью по губам от высокой пожилой, но ещё очень крепкой женщины. Она была стройной, несмотря на возраст, с правильными чертами лица. В молодости она, безусловно, была красавицей. Взгляд ее светло-серых глаз был строг, как у директрисы школы. У себя на животе я обнаружил матерчатую авоську, нащупав в ней руками кастрюльку.

– Бабушка? – еле ворочая языком от удивления, спросил я.

Глава 4.

Четверг, 11.02.71 г. Святославская городская больница.

Сказать, что я удивился, увидев бабушку, ничего не сказать. Комиссар в юбке. Только красной косынки не хватает и нагана.

– Пойдём. Покурим, – вместо приветствия сказала она и направилась в коридор.

Я тут же поднялся и вышел вслед за ней.

– Я что, курю? – удивлённо спросил я, но ответа не удостоился.

Мы молча вышли в холл. Народ в холле не обращал на нас внимания. Бабушка подошла к окну, я тоже. Милицейского Бобика перед крыльцом больницы уже не было, значит, Ефремов уехал.

– Рассказывай, – приказала мне бабушка тоном, не терпящим возражений.

– Что? – не понял я и тут же получил увесистый подзатыльник.

– Да что ж такое! – не выдержал я. – Что у вас за методы воспитания такие, мадам?

И тут же получил ещё один подзатыльник. Это беспредел. Я отошёл от этой ненормальной на безопасное расстояние.

– Мне, на минуточку, уже 16, – сказал я наставительным тоном. – Я уже сознательная личность, меня нельзя так уни-

жать. А то на всю жизнь запомню и стакана воды вам в старости не подам.

– Ты доживи, сначала, до моей старости, – сказала как плюнула она.

Вот, стерва. Ни жалости, ни сомнений. Она внимательно наблюдала за мной.

А я за ней. Ну, что, будем в молчанку играть? Думаешь, что меня прогнёшь? Я спокойно и уверенно смотрел ей в глаза.

– Да. Милиционер прав, – первой сдалась она. – Сдвиг по фазе у тебя серьёзный.

В её взгляде я заметил испуг. О, бабуля, так всё-таки ничто человеческое Вам не чуждо. Она, видимо, тоже заметила что-то в моём взгляде и поспешно отвернулась к окну. Надо срочно исправлять ситуацию. Проблемы с близкими родственниками мне не нужны, от слова совсем.

– Бабуль. Да, ничего страшного. Просто, я не помню ничего, – решил я взять инициативу в свои руки. Но при слове «бабуль» её заметно передернуло.

– Я что, никогда не называл вас «бабуля»? – удивился я. – А как называл?

Она мельком взглянула на меня ошарашенно, но ничего не ответила. Я понял, что все сказанное звучит действительно довольно дико.

– Хорошо, – решил я зайти с другой стороны. – Как Вас зовут?

– Эльвира Эдуардовна, – медленно проговорила она, коротко взглянув на меня и опять отвернувшись к окну.

– Если я буду к вам по имени отчеству обращаться, нормально будет?

В ответ тишина.

– Молчание знак согласия, – подвёл итог я. – Ну что, Эльвира Эдуардовна, может, поговорим? Вы же хотели от меня что-то услышать?

– Я хотела узнать, – повернулась она ко мне, – как ты в реке вчера оказался?

– Я тоже хотел бы это знать, – серьёзно ответил я.

– Милиция считает, что ты сам прыгнул, – заявила она, с вызовом глядя мне в глаза.

– Всё выглядит именно так. Но мне нечего вам сказать: я ничего не помню.

– Как ты мог?! – сорвалась она на крик. Всё-таки, женщина есть женщина.

– Тише, тише, – подошёл я к ней, заметив подступившие слезы, – Я не знаю, что меня заставило вчера так поступить, но я узнаю. И я больше никогда так не поступлю. Обещаю, – Я тряхнул её за плечи. – Всё позади, – постарался я успокоить её. Она взяла себя в руки и, отвернувшись к окну, вытерла глаза носовым платком. Потом повернулась ко мне, демонстрируя готовность продолжать разговор. Какой характер у женщины. Скала.

– Что дома? В семье происходит что-то неприемлемое

для детской психики? – спросил я.

Она растерялась, удивлённо глядя на меня, но быстро собралась:

– Ничего необычного. Все как всегда.

– В школе? Не было ли конфликтов с кем-то? Не вызывали вас в школу недавно?

– Ничего такого, – в замешательстве ответила она.

– А учусь я как?

– Хорошо.

– Ну. И какие ещё есть мысли? Может, любовь несчастная?

– Не знаю, – буркнула она и присела на подоконник.

– Что делать будем? – примирительно спросил я, присаживаясь на подоконник рядом с ней.

– Не знаю.

– У меня есть несколько вопросов. Можно?

– Спрашивай.

– Матушку я видел сегодня. А мой отец?

– Нет у тебя отца.

– Без отцов дети не рождаются. Кто он?

– Козёл.

– Правда? Неожиданно. А поподробнее?

– Шут бродячий.

– Как это?

– Геолог.

– О, как интересно! – воскликнул я. Но не успел предста-

вить себя в этой профессии, как получил удар локтем в ребро.

– Бабуля! Хорош! – простонал я, хватаясь за бок.

– Извини. На автомате.

– Что родители, в разводе?

– Да.

– Давно?

– Давно. Ты маленький был.

– Я с отцом знаюсь?

– Нет.

– Когда в последний раз виделись?

– Лет пять назад, может больше.

– Жаль. Мальчишкам отец нужен, – проговорил я и заранее встал, уверенный, что мне сейчас опять прилетит локтем в ребро. Но бабушка только посмотрела на меня выразительно сжав зубы, изображая ярость. Я улыбнулся ей в ответ. Сразу видно: она баба умная, сама понимает, что я прав. Я присел обратно на подоконник.

– Получается, со стороны отца проблем у меня быть не могло.

– Не могло, – подтвердила Эльвира.

– Иван, мой сосед по палате, сказал, что у меня сестра есть.

– Есть. Инна. Она на первом курсе меда в Минске училась, познакомилась с выпускником военного училища и вышла замуж. Он получил лейтенанта и был направлен служить

в Пермь. Инна туда в мед перевелась, сейчас уже на четвёртом курсе.

– А Пермь отсюда далеко?

– Далеко.

– А мы, кстати, где?

– Брянская область. К Инке не наездишься. Она дочку прошлым летом родила. Правда, малышке там климат не подходит: за 8 месяцев уже 3 раза пневмонией переболела. Мать ездила к ним летом, после родов помочь. Я в сентябре с малышкой сидела: у Инки учеба в меде началась. Но вся наша помощь – мёртвому припарка. Малышка постоянно болеет, в ясли не ходит. Инка зимнюю сессию еле сдала. Одни тройки, стипендии лишили. Живут на одно жалованье мужа-старлея.

– Это, конечно, всё очень печально. Но, как думаешь, – я решил перейти на ты, – я же не мог из-за этого с моста прыгнуть?

– Нет, конечно, – согласилась бабушка.

– Какие у меня, вообще, отношения с сестрой?

– Никаких. Ваши интересы никогда не пересекались и не пересекаются.

– Хорошо. А что матушка, выходила замуж после моего отца?

– Нет.

– А у нас с Инкой один отец?

– Да.

– Выходит, со стороны семьи неприятности прилететь не могли, – констатировал я. – Остаётся профессиональная деятельность. Я ещё не работаю. Инка далёко. А вы с матушкой чем по жизни занимаетесь?

– Я и бухгалтер, и контролёр, и инженер. Сейчас на пенсии. На полставки подрабатываю на родном Механическом заводе. Полька экономист там же.

– Какая Полька?

– Мать твоя.

– А, понял. Полька это Полина?

– Аполлинария.

– Какое красивое имя, – удивился я. – Кстати, а как моего отца звали? Какое у меня отчество?

– Тарасович.

– Павел Тарасович Ивлев. А что, хорошо звучит.

– Дорасти ещё до Павла Тарасовича, – опять съязвила бабуля.

– Дорасту, куда я денусь!

Где-то в глубинах больничных коридоров послышалось: «Обед!». Я встал. Бабушка тоже. Она мне понравилась. Я взял её за руку и искренне произнёс:

– Бабуля Эльвира Эдуардовна. Очень, очень рад с Вами познакомиться.

Она смотрела на меня как на полоумного, но руку не забрала и даже немного улыбнулась. Надо все же продумать мне общение с близкими, а то совсем уж на сумасшедше-

го похож сейчас. Очень трудно оказалось вживаться в роль подростка. Взрослому мужику пацана изображать – задача не из простых. Прожитые годы из головы не выкинешь. Но постараться надо, а то спалюсь.

Мы попрощались. Я попросил бабулю, если будет возможность, приходить еще. И пошаркал на полной скорости в сторону Хирургии к себе в палату. Навстречу мне буфетчица-хохотушка катила пустую тележку за очередной партией мисок с едой.

* * *

Эльвира Эдуардовна шла по коридору больницы и не могла прийти в себя. Мысли путались, заставляя ее то и дело замедлять шаг и в очередной раз прокручивать в голове разговор с внуком.

Павел был совершенно не похож на себя. Разговаривал очень странно.

Эльвира привыкла постоянно заботиться о нем, поскольку паренек рос хоть и смышленным, но совершенно бестолковым в бытовом плане. Внук был довольно общителен, друзья у него были, но очень уж незрелым и импульсивным был пока. Да еще и в Дианку эту влюбился, будь она неладна.

Узнав о случившемся, женщина была готова увидеть сломленного, ищущего защиты и утешения подростка.

Но сегодня перед Эльвирой стоял совершенно другой

человек. Враз повзрослевший, рассудительный, владеющий эмоциями. Ни тени произошедшего, ни слова жалоб. А от его обращения на «вы» и по имени отчеству вообще мороз пробирал по коже. А все эти рассуждения о возможных причинах прыжка с моста и расспросы о семье?!

Как же так могло произойти? Неужели человек в одиночестве может так измениться внутренне?

Что же с ним такое произошло? – в очередной раз подумала Эльвира и, покачав головой, задумчиво вышла из больницы.

* * *

Я сел на свою постель.

На соседней койке Иван приподнялся на локте и спросил меня:

– Ну, как тебе бабушка? – поинтересовался он, многозначительно растягивая последнее слово.

– О, мировая тётка, – воскликнул я, не в силах сдержать своего восторга.

– Правда? – переспросил Иван с сомнением.

В этот момент к деду Митричу пришла его бабулька. Приятная такая маленькая бабулька, божий одуванчик, в платочке. Принесла деду домашней еды в кастрюльке и домашней выпечки. В палате так запахло пирогами с капустой, что я чуть слюной не захлебнулся.

Хорошо, что буфетчица очень скоро раздала нам по миске серого супа, гречки с биточками и по стакану компота. На обед полагалось два кусочка хлеба.

Я порылся в авоське, которую принесла мне бабушка, нашёл ложку, батон, коробку сладкой соломки к чаю и стеклянную бутылку кефира. В кастрюльке была гречневая каша, сваренная с салом и луком.

Я съел все, кроме супа, такое ощущение, что кроме рыбных костей и кусочков картошки в нём больше ничего не было. Сразу видно, что сегодня четверг, рыбный день.

У меня осталась половина батона, коробка соломки и бутылка кефира. Оставил их на полдник.

Я лег, взял в руки коробку соломки, покрутил, понюхал. Нахлынули воспоминания детства. Маленьким я очень любил её.

Вернулось чувство умиротворения из далекого прошлого, когда всё было хорошо и надёжно, когда коробка соломки могла сделать тебя счастливым. Не было ещё в моей жизни потерь и горьких разочарований. Жизнь впереди виделась долгой и счастливой.

Я не заметил, как уснул. А снился мне советский Крым. Тёплый, солнечный, зелёный, мирный, неторопливый и добродушный. Ласковое теплое море и радостные лица счастливых советских отдыхающих.

Проснулся я от громкого смеха над ухом. Вероничка пришла к Ивану как обещала. Я встал и пошёл пройтись по кори-

дору. Когда я вернулся, девушки уже не было. На лице Ивана блуждала улыбка глубоко влюблённого человека. Взгляд устремлён был куда-то сквозь стены. Наверное, в светлое будущее. Я знал, каким будет для милиции и всей страны это будущее. Но до него ещё 20 лет. Пусть помечтает.

Я лёг, размышляя о прошлом, о будущем и о текущей ситуации. Надо уже определяться, как жить дальше и что делать. Привычка планировать и контролировать происходящее постепенно возвращала себе утраченные позиции. Хотелось действовать, идти к какой-то цели. Но для начала надо из больницы выбраться. Задерживаться здесь совершенно не хотелось.

К Ивану пришли коллеги. Прямо в форме, в сапогах. Они, скорее всего, сейчас на службе. Мимо проезжали, решили зайти. Парни молодые, веселые. Один сел на стул, поставив его между нашими койками. Второй остался стоять, опершись о спинку койки. Тот, что сидел на стуле, мельком оглянулся на меня с интересом. Я кивнул головой здороваясь.

Мне было скучно. Нисколько не стесняясь, я повернулся в сторону этой компании и приготовился слушать.

– Ну, братцы. Что в мире делается? – спросил обрадованный Иван и сел в койке. – А то здесь газеты только в сортире.

– Лунное затмение сегодня, – сказал сидевший на стуле. – По радио слышал. А вчера в Лос-Анджелесе землетрясение было.

У него справа висела штатная кобура из коричневой тол-

стой кожи. Такие же носили офицеры, когда я служил. Я вспомнил, что где-то читал, будто в советское время милиции не разрешали повседневное ношение табельного оружия. Только исключительно на опасные задания.

Я сел в койке и нагнулся, чтобы заглянуть в кобуру рядом сидящего милиционера. Тут же мне прилетел подзатыльник от его сослуживца, стоящего рядом. Я понял это, подняв голову и наткнувшись на его недовольный взгляд.

– Что потерял там? – спросил он. Иван и его сидящий сослуживец повернулись ко мне.

– Я где-то слышал, что вы пирожки в кобуре носите вместо пистолета, – сказал я, потирая затылок.

– Где слышал? – спросил стоящий милиционер.

– Да не помню, – отмахнулся я.

– Ты ж ничего не помнишь, – усмехнулся Иван.

– Я так и сказал: не помню, – кивнул я.

– А про пирожки в кобуре помнишь? – подозрительно глядя на меня уточнил Иван.

– Это тот дуралей, что в реку свалился? – спросил сидящий сослуживец.

– Тот самый, – подтвердил Иван.

– Ну что, дуралей, показать тебе пирожок? – спросил милиционер, вставая с табурета. Он открыл свою кобуру, потянул за ремешок и извлек пистолет Макарова. Увидев мои загоревшиеся глаза, он, усмехнувшись, вытянул из пистолета магазин и протянул ПМ мне.

Я двумя руками благоговейно взял оружие. Как же я мечтал иметь свой пистолет. Но простым гражданам России боевые пистолеты иметь не разрешается. Только газовые и сигнальные.

– Хочу такой, – пробормотал я.

Парни рассмеялись

– Дай сюда, – забрал у меня пистолет молодой мент. – Придёшь к нам служить и получишь.

– Пусть школу сначала закончит, – сказал Иван. – Он же не помнит ничего.

Да уж. Об экзаменах я старался пока не думать.

К Митричу пришла жена. Опять с авоськой. Довольный дед уселся на кровати и приготовился трапезничать.

По палате разлился аромат жареной картошечки.

Милиционеры сразу засобирались. Иван встал их проводить. Я увязался за ними, чтобы слюной не захлебнуться.

Мы стояли у окна в холле, милиционеры курили, рассказывали последние сплетни про сослуживцев, которых я не знал. Я слушал вполуха и смотрел в окно, думая о своём.

За окном сгущались сумерки. К больнице подошёл парнишка в толстых чёрных пластмассовых очках, в черной ушанке, в коричневом пальто и в укороченных валенках. Он увидел меня и помахал рукой. Одноклассник что ли мой? Не милиционерам же он махал.

Парнишка вошёл в больницу и, скромно улыбаясь, прямоком направился ко мне.

– Привет, Паш, – сказал он, протягивая ладонь для рукопожатия и косясь на милиционеров. Я пожал ему руку и жестом предложил перейти к другому окну.

– Короче так. Я ударился вчера башкой. Потерял память, – начал я, – ничего пока не помню. Тебя тоже. Ты кто?

Он растерянno смотрел на меня несколько мгновений, потом рассмеялся:

– Я понял. Ты шутишь.

– Да какие уж тут шутки. Мать родную сегодня не узнал.

– Не может быть!

– Может. Как тебя звать?

– Славка.

– Мы в школе вместе учимся?

– Ну, да. С первого класса.

– Дружим?

– Дружим.

– Школу прогуливаем?

– Ты что?! Мы же поступать готовимся.

– Да? Куда?

– В Ленинград, в мореходку, – медленно проговорил Славка. – Или ты уже не хочешь?

– Я не помню, что я хочу. А в последнее время я в школу ходил? Занятия не пропускал?

– Нет, не пропускал.

– А мы там со всеми нормально? Ни с кем не в контрах?

– Мы всегда в контрах.

– Не понял. С кем?

– С Тимуром и его командой.

– Это кто такие?

– Тимур Полянский и его команда.

– Одноклассники?

– Ну, не совсем. Полянский второгодник, а друзья его уже давно школу закончили: после восьмого класса ушли.

– Достают нас?

– Бывает. То с ног соьбют, в грязи изваляют, то портфель на козырёк остановки забросят. Ты что, правда ничего не помнишь?

– Правда.

– И что гитару мне свою подарил тоже не помнишь?

– Нет, не помню.

– Я пошутил. Не подарил. Я посмотреть хотел, как ты отреагируешь. Ты же на нее надышаться не можешь.

– Я что, на гитаре играю? – обрадовался я.

– Нет, ещё не играешь. Тебе же батя её только месяц назад подарил.

– Стоп. С этого места поподробнее. Ты хочешь сказать, что я тайком от Поли и Эльвиры встречаюсь с отцом. Так?

– От кого тайком?

– От матери с бабушкой.

– А. Да, встречаешься.

– Давно?

– Года два.

– А почему тайком?

– Ну, ты что, бабушку свою не знаешь?

– Познакомился сегодня, нормальная вроде тётка.

– Нормальная? Ты в своём уме? – спросил меня Славка, округляя глаза.

– Ты забыл? Я не помню ничего.

– Ой. Прости. Она же Шапокляк.

– В смысле?

– Мы с тобой её так зовём за вредность.

– Понял. Поверь, она не со зла.

– Ужин! – раздался из коридора голос буфетчицы. У меня уже рефлекс выработался на него, как у собаки Павлова.

– Спасибо тебе, Славка, что зашёл, – я протянул ему руку. – Поверь, я очень дорожу нашей дружбой. Дружбы детства – это на всю жизнь.

– Эх тебя угораздило, – сочувственно пробормотал Славка, пожал мне руку и пошёл к выходу. Взгляд его, обращенный на меня, чем-то неуловимо напоминал бабушкин. Похоже, он тоже под впечатлением и считает, что у меня чердак потек. Ну да ладно, что ж делать. Привыкнет постепенно. А мне информация как воздух сейчас нужна. Кого мне еще расспрашивать, как не друга.

– Приходи ещё, – попросил я.

– Хорошо, – отозвался Славка, выходя из больницы.

Николаева и товарищей в холле уже не было. Я пошаркал в палату.

Сегодня был очень насыщенный день в плане информации. Но источник бед Пашки Ивлева так и не проявился. Судя по тому, что рассказал Славка, Тимур и его команда доставляли, конечно, пацанам неприятности, но на повод для суицида никак не тянули.

Новая версия, показавшаяся мне перспективной, называлась «Батя».

Я дошаркал до палаты. Ужин уже стоял на тумбочке. Иван допивал чай. Сытый домашней едой Митрич к больничной еде даже не притронулся.

Так, что тут у нас на ужин? Чай, коржик и пюрешечка с подливкой. А мясо где? Нету мяса? Наверное, здесь так положено. Хлеб? Вот, аж два куска.

Я поел быстро, но без удовольствия. В коржике, на мой вкус, было слишком много соды. Пюрешку картофельную трудно испортить, но подливка местному повару явно сегодня не удалась.

– Вань, а ты знаешь что-нибудь про моего отца? – сел я на своей койке лицом к соседу.

– Слышал что-то, – ответил милиционер лениво.

– Что?

– Зачем тебе?

– Версию проверяю.

– Какую? – сразу сел в кровати Иван.

Я наклонил к нему голову поближе и спросил:

– А ты знал, что я два года тайком от своих с отцом встре-

чаюсь?

За спиной что-то упало. Мы резко обернулись.

В дверях палаты стояла моя мать. У ее ног лежала авоська, по всей видимости, с моим ужином.

Глава 5.

Четверг, 11.02.71 г. Святославская городская больница.

Она смотрела на меня, как на предателя. Я встал, поднял авоську. Проверил, не разбилось ли там чего. Дал ей время осмыслить происходящее. Взглянул мельком на Ивана, он старательно прятал глаза.

Я взял мать за локоть и молча повёл её в холл к подоконнику.

– Для меня это такая же неожиданность, – начал я изда-лека. Она молчала. – Тема отца у нас табу?

Она нехотя кивнула.

– Почему?

– Потому что предателей не прощают! – пафосно заявила она.

– Что он сделал? Кого предал? – спросил я как можно нейтральней.

– Меня. Инну. Тебя.

– Мне хотелось бы узнать, что между вами произошло, – я взял её сзади за руку чуть выше локтя. Запрещённый цыганский прием. Человек от этого волю теряет.

– Он бросил нас! – сказала возмущенно мать и замолчала. Я решил, что он ушёл к другой женщине. Но матушка продолжила – Уехал изыскателем в Якутию.

– Ну, это не бросил! – постарался как можно мягче воз-

разить я. – Это, уехал в длительную командировку.

– Слишком длительную! А потом там и остался!

– В Якутии? Он и сейчас там живёт?

– Не знаю.

– Почему ты не поехала за ним?

– Куда?! В Якутию?

– Ну, не знаю. Там же, наверняка, есть какие-то посёлки.

Люди же там как-то живут.

– Понятия не имею, как они там живут!

– То есть, ты даже не попробовала к нему поехать? Даже летом?

– А должна была?

– Ну, не знаю, – наивно-невинно начал я. – Как там говорят: муж – иголочка, жена – ниточка. Куда иголочка, туда и ниточка.

– Мама сказала, туда ехать девять тысяч километров, зима восемь месяцев в году. Там маленький посёлок, до ближайшего города четыреста километров, вода в реке, туалет на улице.

– Мама сказала, – пробормотал я. Всё понятно. – И ты испугалась.

– А не должна была? – спросила она с вызовом.

– Ты же не одна там была бы.

– Конечно! С маленькими детьми.

– Я про мужа вообще-то.

Поля замолчала. Расстроилась. Я провёл ладонью по её

плечу и сказал:

– Ладно. Не расстраивайся так. Что сделано, то сделано.

Разбор полётов по поводу табу на встречи с отцом пока отложим. И чувствую, что это не с матерью надо обсуждать.

– Спасибо, что пришла. Ты хорошая мать. Я это сразу почувствовал, – сказал я ей искренне и обнял её.

– Ты очень странно разговариваешь, – сказала матушка, немного испуганно глядя на меня. – Изменился ты очень, Паша.

Я мысленно чертыхнулся. Надо как-то все же контролировать себя, не забывать, что здесь я пацан совсем. А то как бы реально родных не перепугать. Упекут еще в психушку полечиться на всякий случай.

Я пожал плечами и улыбнулся матушке, чтобы как-то сгладить неловкость.

Мать немного успокоилась и вскоре, попрощавшись, ушла. А я побрел, шаркая тапками, к себе в палату.

Иван где-то раздобыл свежую газету и читал Митричу вслух новости. Увидев меня, он спросил:

– Ну, что?

– Нормально, – ответил я ему, и Иван продолжил читать газету.

Там речь шла о правилах приема стеклотары в магазинах и приемных пунктах. Иван с Митричем на полном серьезе и с большой заинтересованностью обсуждали этот вопрос. У меня поначалу эта ситуация вызвала небольшой ступор

и улыбку, но потом начал вспоминать, что стеклотара была вполне себе такой важной статьёй дохода в Советском Союзе. Бутылки сдавали все и денег за них можно было выручить вполне прилично. Мне, кстати, как школьнику, эта тема тоже должна быть близка. Это ведь реальная возможность зарабатывать карманные деньги.

В статье говорилось, что стеклотара должна приниматься в магазинах и приемных пунктах бесперебойно и в неограниченном количестве. Именно этот пункт в первую очередь вызвал возмущение у Митрича.

– Не принимают они ничего, – проворчал он обиженно. – Я принёс, меня послали.

– Здесь говорится, что должны принять, – ответил ему Иван. – Пишут, что раньше только специальные пункты принимали, а сейчас в любом магазине должны забирать.

Потом, еще что-то прочитав, он добавил:

– Тут еще пишут, что многие магазины не принимают пока стеклотару, потому что не соблюдаются гигиенические требования при ее сдаче. Бутылки должны быть чисто вымыты и надлежащим образом подготовлены. А еще во многих магазинах пока нет места для организации приема стеклотары. А еще нет общих правил приема.

– Может, ты не вымыл бутылки? – предположил я. – Вот тебя и послали.

– Тихо, – прервал меня Иван. – Тут ещё пишут, что тара должна быть без этикеток. Митрич, этикетки снимал?

– Ничего я не снимал.

– Тогда сам виноват, – сделал вывод Иван и продолжил чтение.

– Вот, жулики, – воскликнул Митрич.

– Ну, их тоже можно понять, – возразил ему Иван, – правила есть правила. Сказано – чистые бутылки без этикеток, значит надо соблюдать. Кто ж их в магазине отмывать за нас будет.

Митрич на это только вздохнул и обиженно засопел. По его лицу было видно, что в целом он конечно все понимает, но как говорится «осадочек остался».

Иван тем временем продолжил читать статью дальше.

– О, Митрич, это еще не все, – добавил он. – Похоже, что еще долго будут перебои с приемом стеклотары. Тут пишут, что под это дело начали расследование условий хранения продукции в магазинах и много нарушений нашли. В одном магазине в холодильнике хранились хлеб и лимоны, а жир и рыба хранились вне холодильника, открытыми. И тут же еще и бутылки сданные лежали. Представляешь?

– Да, бесхозяйственность это, – покивал головой Митрич, – испортится же рыба. Разве можно так?!

– Естественно, лимоны-то подороже жира будут. За них и спросят, если что, – проворчал Иван, отложил газету и вышел в коридор, предварительно погасив свет. Осталась гореть только дежурная лампочка.

Я устал и с удовольствием растянулся на своей койке. Хо-

телось спать, глаза закрылись сами собой. В голове роились беспорядочные мысли: от причин Пашкиного неудавшегося суицида до отъезда отца. Хотелось поскорее прояснить все эти вопросы, чтобы понимать, как действовать дальше вообще. Что могло толкнуть шестнадцатилетнего парня на такой глупый поступок? Это какие-то подростковые переживания? Или это как-то связано с отцом? Почему отец вообще уехал? Десять лет он же прожил здесь с матерью, чем-то тут занимался. Зачем надо было всё бросать и ехать за девять тысяч километров?

Я уснул. Мне снилась тайга, скалы, большое озеро и гитара.

Разбудил меня включившийся внезапно свет и голос медсестры:

– Подъём! – громко распорядилась она и раздала нам градусники. Медсестра была другая. Молодая, полноватая, большегрудая. Они тут все были в белых медицинских колпаках и халатах унисекс. Инкубаторские, как сказал Митрич. Лица у них были какие-то неяркие, невыразительные. Я не сразу понял почему, потом только догадался: женщины здесь косметикой совсем мало пользуются.

– Что, уже утро? – спросил я и сонный сел. Градусник был холодный. Ещё и сидеть с ним надо десять минут. То ли дело у нас: бесконтактно прошлись по лбам инфракрасным термометром и все дела.

Я бы еще поспал, но спать с градусниками не разрешали.

Я сидел как зомби и смотрел перед собой полузакрытыми глазами. Ждал, пока придёт сестра и соберёт градусники.

Начинался третий день моей второй жизни.

Мне хотелось поскорее выбраться из больницы. Я повернулся к Ивану.

– Вань. А когда меня домой отпустят? – спросил я с надеждой в голосе.

– Когда надо, тогда и отпустят, – буркнул он. Не выспался, наверное.

Пришла медсестра, собрала наши градусники и увела Митрича «на процедуры». Велела «Николаеву приготовить».

Я спросил, что за процедуры. Иван пояснил, что швы обрабатывают.

Я лёг и задумался о вчерашнем дне. Информации новой было так много, что я упустил из виду одну очень важную деталь.

– Вань. А почему только бабушка в курсе, что на мосту случилось? А мать думает, что я случайно упал.

– Бабка твоя женщина здравомыслящая, – уже более дружелюбно ответил Иван. – Если с кем в вашей семье и решать вопросы, то с ней. Мать твоя – хороший человек, но чувствительная очень, может на эмоциях наговорить или сделать лишнего. А в твоей ситуации этого допустить нельзя. У истории этой, Пашка, последствия могут быть нехорошие для тебя. Понимаешь? Если ей ход дать. Чем меньше народу

знает, тем лучше. Так что, ты сам тоже молчи пока. А матери, если захочешь, расскажешь как-нибудь. Потом. Но, если решишь рассказать, момент выбери подходящий и предупреди, чтобы не говорила никому. А лучше все же не говори, так надежней будет.

– Я всё понял, – ответил я. Но вынужденное заточение не давало мне покоя. И я опять стал приставать к Ивану. – Мне так и не удалось нащупать ту самую причину. А если мы её не выявим в ближайшее время? Я так и буду сидеть здесь?

– Не знаю. Вениаминыч сегодня обещал зайти. Придёт, спросим.

– А тебе самому сколько сказали лежать?

– Лежать сколько не знаю. А швы через десять дней снимают.

– Понятно. Пока, лежим, короче.

Я полежал немного, но шило в заднице не давало покоя. Попросил у Ивана вчерашнюю газету почитать. Так. Посмотрим, что тут пишут. И читают.

«Знамя Коммунизма». Орган Святославского горкома КПСС и городского совета депутатов трудящихся. Четверг 11 февраля 1971 года. Цена 2 коп. Обращение коллектива Святославского механического завода ко всем трудящимся города Святославля. Советский народ под руководством Коммунистической партии с огромным творческим подъемом готовится достойно встретить XXIV съезд КПСС. Строительство коммунизма в нашей стране характеризует-

ся не только высокими темпами роста экономики, но и все-сторонним развитием советской демократии, привлечением всех трудящихся к активному участию в управлении делами общества.

Дальше читать расхотелось. Пробежался глазами по заголовкам. Первые две страницы были наполнены таким же пафосом.

На третьей и четвертой была реальная информация.

Большая статья про стеклянную тару, что нам вчера читал Иван.

Спортивные достижения советских спортсменов на международных соревнованиях и результаты встреч городских команд.

Объявление об открытии нового зала в Фотографии № 1 по улице Карла Маркса д. 1. С приглашением всех желающих.

Рубрика «На работу приглашает» с перечнем вакансий на местных производствах без указания зарплат.

Репертуар пяти местных кинотеатров и одного Дома культуры.

Программа телепередач на текущий день на два канала.

Коллектив комплексной бригады домостроителей Леонтия Фоменко выражает соболезнования товарищу по работе Сахаровой Нинели Илларионовне по поводу смерти её матери.

Но одно объявление особо привлекло моё внимание. «Се-

годня приём посетителей по социальным вопросам в приемной редакции газеты „Знамя Коммунизма“ ведёт депутат городского совета трудящихся Домрацкая Эльвира Эдуардовна с 14 до 18 часов».

Стоп. Эльвира редкое имя. Да ещё Эдуардовна. Не моя ли это бабуля?

– Вань. А как фамилия моей бабушки? Не Домрацкая случайно?

– Домрацкая. А что?

– Она депутат?

– Депутат, депутат.

– Во бабуля дает.

Из коридора послышалось:

– Завтрак!

И вскоре нам раздали по миске молочного супчика с макаронками и с жёлтой лужицей посередине и по кружке кофе с молоком и пенкой. Каждому ещё достался кусочек белого хлеба с маленьким кусочком масла.

Вскоре к Митричу пришла жена. И принесла ему домашней каши, судя по запаху, гречневой. И ещё она принесла ватрушки. Митрич угостил нас с Иваном по одной.

Мы не торопясь позавтракали.

Чтобы скоротать время до обхода, я решил повнимательней почитать программу телепередач.

– Вань, а что так странно телевидение вещает? Первая программа с 12 часов до 23–30, а вторая с 10 часов до 15.

– А как надо?

– С утра до вечера, – неуверенно предположил я. Как хорошо раньше было: 240 каналов круглосуточно. Доживу ли? Хотя, в 2020 мне будет всего 65. Доживу.

Я продолжил изучать телепрограмму.

– А это что такое? – удивился я. – «15–05 Цветное телевидение. Мультфильм». Цветные телевизоры уже есть?

– Есть чего слушать, да нечего кушать, – вставил Митрич свой пяточок в наш с Иваном разговор. Бабулька Митрича уже ушла, и он не знал, чем себя занять. Я так и не понял, есть уже цветные телевизоры или нет. Но переспрашивать не стал, уж больно тон у Митрича был какой-то недружелюбный.

Пришли доктора. Хитрый старичок Демьян Герасимович, я уже знал, что он главврач этой богадельни, опять со всеми по очереди беседовал. Когда подошла моя очередь, я сел в койке, в ожидании очередных проверок от него. Но он очень добродушно спросил:

– Ну что, мил человек, вспомнили что-нибудь?

– Не особо, – честно ответил я. – Точнее ничего не вспомнил. Но так даже интересней.

Старичок усмехнулся.

– Может быть. Может быть, – задумчиво проговорил он, внимательно глядя на меня. Потом обратился к доктору Юрию Васильевичу, – и что, кроме этого синяка на лбу, больше ничего?

– Ничего, – ответил доктор.

– Ни головных болей, ни головокружения, ни тошноты не было? – спросил уже меня Демьян Герасимович.

– Да нет, не помню такого, – честно ответил я.

– Он ничего не помнит, – хохотнул Иван.

– Может, имело место эмоциональное потрясение? – предположил Юрий Васильевич.

– Может быть. Может быть, – нейтрально проговорил главврач и непонятно было, согласен он с этой версией или нет.

Я смотрел то на одного доктора, то на другого, следя за ходом их мысли и пытаюсь предугадать результат. Ничего не понял и выпалил:

– Домой хочу.

– Не спешите, батенька. Полежите, отдохните. Куда вам торопиться? – успокаивающим тоном сказал главврач. – Вы хоть дом свой найдёте?

Не найду, конечно, но язык до Киева доведёт.

– Ладно. Понял, – буркнул я, смирившись с необходимостью провести в больнице еще один день.

Обход закончился.

Немного погодя, пришла бабушка. Я обрадовался ей так, что не смог скрыть этого. Я вскочил с койки, обнял её и чмокнул в щёчку. Она удивилась моему порыву, но восприняла естественно, улыбнулась и протянула мне авоську. Я выложил на свой табурет две плюшки сердечком, бутылку

кефира и баночку варенья.

– Пойдём покурим, – сказала она и, не дожидаясь ответа, направилась к выходу из палаты.

Вид у неё был озабоченный, и когда мы пристроились у подоконника, я её спросил:

– Как дела? Как прошел вчера приём трудящихся?

– Да, ничего нового. Каждый раз одно и то же, – отмахнулась Эльвира. – Домой вчера пришла, Польша ревет.

– Что случилось? – напрягся я.

– Не знаю.

– Ты не спросила?

– Как я могла спросить? Она же тихонько ревела, чтобы я не слышала.

– А ты услышала и сделала вид, что не слышала, – развел руками я, – Ну что за детский сад? Бабушка, ну тебе сколько лет? Шестьдесят пять? Семьдесят?

По ее растерянному взгляду я понял, что опять сморозил что-то не соответствующее моему возрасту и положению.

– Шестьдесят, – сказала она с нажимом.

– О, так ты у нас еще «баба-ягодка опять»! – нарочито весело сказал я, пытаюсь разрядить обстановку. – А маме сколько?

– Сорок три, – ответила бабуля, сверля меня взглядом. Молодая какая мать у Пашки. А я думал ей под пятьдесят. Никогда не умел определять возраст женщин на глаз.

– Так это же здорово! Вы у меня ещё девчонки совсем.

Ещё замуж вас обеих выдам, – пошутил я.

– Были уже там, – отрезала она.

– И как? – спросил я серьёзно.

– Ничего хорошего, – ответила она.

– Некоторым нравится, – пожал плечами я. – Можешь мне рассказать, кто мой дед?

– Он погиб в войну.

– А кем он был?

– Командиром Красной Армии.

– Прикольно, – вырвалось у меня. – Какое у него было звание?

– Майор.

– Сколько лет ему было, когда он погиб?

– Тридцать два.

– Совсем молодой. Жаль, – реально расстроился я. Но надо было перевести разговор на отца, и я спросил:

– А мама как замуж сходила? Лет десять, наверное, с мужем прожила? Что с ним в Якутию не поехала?

– С двумя маленькими детьми? – бабушка задохнулась от возмущения. – В тундру? Там гнус! Там комары! Там до большой земли четыреста километров. А если заболел бы кто-нибудь?

– Ясно. Это ты панику навела. Мать так запугала, что она даже не попробовала, даже одна, даже летом съездить на разведку.

– Конечно! Я во всём виновата, – воскликнула возмущен-

но бабуля, но не очень убедительно возмутилась.

– А не надо за других решения принимать. Каждый сам кузнец своей судьбы, – подлил я масла в огонь. А бабушка вдруг спохватилась.

– А ты про Якутию откуда знаешь? – спросила она, пристально глядя мне в глаза.

Глава 6.

Пятница, 12.02.71 г. Святославская городская больница.

– Мама вчера вечером рассказала, – честно ответил я.

– А... – до меня и до бабули дошло, какова причина вчерашних слёз Аполлинарии.

Мы молча присели рядом на подоконник.

– Ну. Начать жизнь сначала никогда не поздно, – прервал я молчание, положив руку на бабушкину ладонь. – Батя звал нас к себе?

– Писал как-то, через пару лет, что какие-то месторождения они там открыли, то ли золота, то ли титана. Или и того, и другого. Я не помню сейчас. Звал. Куда, не помню. Спроси у матери, может, письма сохранила.

– А он часто писал?

– Первое время писал. Потом уж, когда развелись, открытки присылал еще лет пять.

– Алименты платил?

– Алименты не платил. Инка вне брака была рождена, у неё и фамилия до брака была Домрацкая. Когда ты должен был родиться, тогда уже я отца твоего за жабры взяла, они и расписались. Но он присылал деньги. Редко, но хорошо.

– А ещё родня здесь где-то поблизости есть?

– Нет никого. Меня сюда по службе прислали сразу после войны на механический завод.

– Значит, вдвоём детей поднимали с мамой, – подвёл итог я. – Тебе проще было их в Якутию отправить.

Она горько рассмеялась. А я вспомнил, как где-то читал, что у нас в стране 80 процентов населения выросло в однополых семьях: с мамой и бабушкой.

– Я тебя понимаю, – сказал я ей, забывшись, – хочется, чтобы дети не хлебнули того, что нам пришлось. Не всегда мы рядом с ними не будем. Они должны учиться жить самостоятельно.

Заметив изумленный и немного испуганный взгляд бабули, чертыхнулся мысленно, улыбнулся и попытался перевести все в шутку:

– Так ведь вы взрослые обычно рассуждаете?

– Это что? Яйца курицу учат! – воскликнула Эльвира и стукнула меня кулаком в плечо. Напряжение из ее глаз исчезло, бабушка снова увидела во мне своего внука. А потом продолжила говорить уже серьезно, – Ты думаешь, я не понимаю? Я поэтому и отпустила Инку с мужем в Пермь! Но мне так малышку жалко! И Инку жалко! Как подумаю о них, сразу слезы наворачиваются.

– Всё у них нормально, – отрезал я. – Поверь, было бы плохо, она уже здесь была бы.

Мы поболтали с бабулей ещё немного. Она мне рассказала о заводе, на котором проработала четверть века. Ещё я попросил её рассказать, как она стала депутатом.

– Да меня как начали избирать 5 лет назад, так и переизби-

рают. Устала я, если честно. Депутат – это образец для подражания. Все смотрят на тебя, каждый твой шаг на виду. Всё должно быть и на работе, и в быту образцово-показательно. Так устала...

– А зачем тебе всё это?

– Сама уже и не знаю.

– Обед! – раздался голос буфетчицы-хохотушки их коридора. У меня, как у собаки Павлова сработал рефлекс и я, наскоро обняв и чмокнув бабулю, попрощался с ней и поехал в тапках как на лыжах в палату. Приспособился, наконец, к этой обуви.

В палате стояла тишина. Похоже Митрич и Иван до обеда дрыхли. Митрич так и лежал с полуоткрытыми глазами, а Иван медленно поднялся с койки и побрел по коридору в сортир.

Я с нетерпением ждал обеда, плюшки, кефир и варенье оставил на вечер.

Не успел Иван вернуться, а к нам в палату буфетчица уже закатила свою тележку. Раздала нам по миске овощного супчика, миске пшенной каши с подливкой и кусочком вареной курицы на костях. Из напитков сегодня был розовый кисель с пенкой. Жрать хотелось очень. Поэтому я сильно не капризничал и всё быстро смолотил, пока совсем не остыло. Аппетит все эти дни был отменный. Даже пугал меня немного. Мне был даже не особо важен вкус и внешний вид еды. Просто ощущал постоянную потребность в «топливе».

Улегшись поудобнее на своей койке, я блаженно расслабился. Думал, засну моментом. Но не тут-то было. Не успел я отключиться, как в палату вбежала жена Митрича. Возбужденная, радостная. Кудачет, что-то ему показывает.

– Твою дивизию! – воскликнул обрадованно дед. – Братцы! Очередь подошла на Москвич! Мне домой срочно надо.

И он поковылял прочь из палаты. Жена суетливо засемила за ним.

– Очередь на Москвич? – не понял я и вопросительно взглянул на Ивана.

– Машину он дождался, – с завистью объяснил Иван. – Деньги надо срочно внести и машину выкупить.

Вернулась жена Митрича и начала собирать его вещи. Вскоре появился и сам дед.

– Митрич, сколько ждал-то? – спросил его Иван.

– Девять лет, – ответил счастливый Митрич, переодеваясь в свою одежду, которую принес откуда-то.

– Поздравляю, – запоздало опомнился Иван.

– Я тоже, – присоединился я.

– Спасибо, сынки! – дед пожал нам каждому руку.

Девять лет ждать Москвич. Это сильно.

– Надо пораньше в очередь встать, – начал рассуждать я. – Лет через десять она подойдёт, я уже и деньги скоплю.

– Кто ж тебя поставит в очередь? – с усмешкой спросил Иван. – Это ж надо заслуженным работником сначала стать, соцсоревнование выиграть. А лучше членом партии стать.

Так надежнее будет. И в профсоюзную очередь встать, и в партийный список.

– Я вообще сейчас ничего не понял, – запутался я. – Это что, есть разные очереди?

– Конечно. Когда что-то распределяется, то часть отдают в министерства, часть в профсоюзы, часть в обкомы и горкомы. Сначала обеспечивается народное хозяйство и военные, а потом только частники.

– Как всё сложно. А автомагазинов нет? Пришел, выбрал и купил.

– Есть комиссионки. Но там дорого.

– В смысле, дорого? Б/У-шная машина дороже новой?

– Какая? Б/У-шная? – теперь уже Иван не понял меня.

– Б/У – это бывшая в употреблении. Ну, как это?.. – не мог вспомнить я советский синоним. – Подержанная! Во.

– А, понял. Конечно, в комиссионке дороже.

– Почему?

– С рук всегда дороже, чем в магазине.

– Да, почему? – упирался я. – У нового товара и износ нулевой, и товарные свойства выше.

– У нового товара есть один очень, очень большой минус, – задумчиво проговорил Иван.

– Какой? – насторожился я.

– Его нет, – усмехнувшись, ответил мне Иван. – Дефицит. – Развел он руками, улыбаясь.

Тут аргументы у меня закончились. Такой козырь крыть

мне было нечем.

Дефицит – это серьёзно.

Я вспомнил очереди за элементарными продуктами в магазинах.

Вспомнил, как люди дрались в универсаме за варёную колбасу или сыр, когда тележку взвешенного товара выкатывали из подсобки в торговый зал. Или это уже в восьмидесятых было? Тьфу ты, столько всего произошло за десятилетия, что и забыл уже, что и когда случилось. Надо бы посидеть, повспоминать, хронологию какую набросать хоть примерно, чтобы не спалиться.

Вспомнил вдруг, как мама однажды послала меня десятилетнего в магазин за какой-то ерундой, не помню, за чем именно. Дала трёшник. Ерунды не было и я купил на трёшник шоколадных конфет, как сейчас помню, по четыре рубля семьдесят пять копеек за килограмм.

Как меня мать ругала! Отобрала конфеты, пошла в магазин их сдавать. И сдала, переругавшись там со всеми. И с продавщицей, и с очередью.

А мне так страшно было, что мать в магазин пойдет с продавщицей ругаться. Та ведь меня несколько раз переспросила, пока конфеты взвешивала, а родители ругаться не будут?

Помню, я тогда от переживаний в обморок упал, голову об угол спинки кровати разбил. Мне тогда даже несколько швов наложили. За это мне отдельно влетело. Н-да, такой стресс на ровном месте!

Я растянулся на кровати и попытался опять заснуть. Не прошло и десяти минут, как явился старший сержант Ефремов в форме.

– Здорово, болезные! – громко сказал он, входя в палату и ставя Ивану на тумбочку авоську. Иван тут же сел и протянул ему руку.

– Здорово, Вениаминыч.

Ефремов взял стул у моей койки и уселся на него верхом.

– Ну что, Ивлев? – спросил он сходу. – Вспомнил что –нибудь?

– Ничего не вспомнил. Но мне это даже нравится, – ответил я.

– Да, брось. Как это может нравиться? – не понял Ефремов.

– Ну, как же? – начал объяснять я. – Столько новых впечатлений. Новых знакомств. Жизнь бьёт ключом!

– Ага. И всё по голове, – вставил Иван.

– Вы разобрались, какая муха его укусила? – спросил старший сержант Ивана.

– Пока ничего конкретного, – доложил тот. – Выяснилось, что Пашка с отцом уже два года тайком от своих встречается. Это всё. А у вас?

– У меня тоже, – сказал Ефремов. – В школе был, говорил с классным руководителем его, – кивнул старший сержант в мою сторону. Конфликты у него с компанией Полянского, но не настолько серьезные, обычное дело для пацанов. Де-

ругутся периодически, вещи друг-другу портят. Ничего хорошего, конечно, но с моста из-за этого не прыгают. С бабкой его ещё поговорил, с Домрацкой.

Сержант задумчиво посмотрел на меня.

– А что ж отец-то? Какие с ним отношения у тебя? Помогает вам? – прищурился Ефремов, глядя на меня. – Небось, денжат подкидывает?

– Славка, друг мой, сказал, что батя гитару мне месяц назад подарил, – гордо сказал я, старательно изображая подростка.

– Гитара это хорошо, – сказал старший сержант. – Только что нам с того?

– В смысле? – напрягся я, подумав первым делом о плохом. «Что нам с того» уж очень похоже было на «Что мне за это будет». Но Вениаминыч сказал:

– Гитара твоего поступка не объясняет.

– Не объясняет, – подтвердил я. – Может, дома что-то прояснится? Мне бы домой.

Мне так хотелось на волю, прямо зудело под хвостом. Видимо, у меня были такие умоляющие глаза, что, взглянув на меня, Вениаминыч рассмеялся.

– Ладно. Я не против, – сказал он. – Только от Полянских держись подальше. С ними я тоже беседу проведу.

– Ура! Я на всё согласен, – не смог скрыть я своей радости.

– Теперь главное слово за врачами, как они отпустят, – осадил мою радость Ефремов.

Восторга у меня сразу заметно поубавилось. С врачами перспективы были неясные.

– Ладно, – старший сержант встал со стула и поставил его на место. – Выздоровливай, – пожал он запястье Ивану. – Ты тоже, смотри у меня, – потрепал меня по голове и ушёл. Видимо, до рукопожатия я ещё не дорос.

Я сел на свою койку и спросил Ивана, что будет, когда я выйду из больницы. Если вдруг случится какая-то экстремальная ситуация, что мне делать? Куда бежать? Куда звонить?

– Если ситуация, не угрожающая здоровью и не требующая немедленного реагирования, то идёшь ко мне, когда я дома, и рассказываешь, что случилось. Я через пять домов живу на той же улице по той же стороне.

– Если я спиной к своему дому стою, мне направо к тебе? Или налево?

– Направо.

– Через пять домов, твой шестой?

– Да, – перед тем, как ответить Иван, загибая пальцы, уточнил про себя этот момент.

– Мне надо завести записную книжку, – вспомнил я. – Можешь мне свой домашний номер телефона дать?

– Домашнего нет, только рабочий в отделе у дежурного.

– Здравствуйте, приехали, – растерялся я. – У меня дома тоже нет?

– Ни у кого нет. Только в учреждениях.

– Приплыли, – расстроился я. Я совсем не помнил, как мы обходились без телефонов. Я рассчитывал, что у них тут есть телефоны, пусть стационарные, дисковые, но есть.

В дверь заглянул Славка.

– О друг, привет, – обрадовался я. – Что нового? Полянский доставал?

– Привет, Пашка, – так же обрадовался Славка. – Нормально вроде. Пока ты здесь, не сталкивались. Я уже научился их издали различать и обходить.

– Эх, а я бы не стал обходить. Устроить бы им хорошую провокацию с тяжелыми последствиями, – у меня руки чесались. Молодой организм засиделся и требовал физической разрядки.

– Поаккуратнее с желаниями. Они иногда исполняются, – осадил меня Иван, выходя из палаты.

– Когда тебя выпишут? – спросил Славка.

– Надеюсь, скоро. Мне здесь уже сильно надоело.

– У нас контрольная по алгебре в понедельник.

– Ох, алгебра. Мой любимый предмет, – пробормотал я.

– Ты шутишь? Ты же ее терпеть не можешь.

– Шучу. А ты шуток не понимаешь? И в школе тоже шутики. Ну кто делает по понедельникам контрольные? И так день тяжёлый. Я не помню ничего. Я не успею за выходные повторить, даже если ты прямо сейчас сбегашь за учебником.

– Да уж. Повторять бесполезно, – согласился со мной

Славка. – Перед смертью не надышишься.

– Что делать? – спросил я его, подпуская отчаяния в голос.

– Что и всегда, – спокойно сказал Славка. – будем списывать у Юльки.

– Что за Юлька? – оживился я. – А она даст?

– Что даст?

– Списывать даст?

– Куда она денется? В смысле, всегда давала.

– Интересно девки пляшут. Мне ещё сильнее захотелось отсюда сбежать, – сказал я, окончательно успокоившись.

В палату зашёл Иван.

– Вань, у меня контрольная по алгебре в понедельник. Как мне выписаться? Завтра будет обход?

– Завтра не будет. Завтра суббота, – ответил Иван. – Я Демьяна сейчас в холле видел, беги отпрашивайся, пока он не ушёл.

Я поспешно вскочил с койки и на максимальной скорости поехал в тапках, как на лыжах, по коридору. Славка за мной. Выскочив как ошпаренный в холл, я закричал:

– Демьян Герасимович!

Из приёмного выглянул доктор Юрий Васильевич.

– Что орёшь?

– Мне Демьян Герасимович нужен.

– Зачем?

– Мне выписаться обязательно сегодня надо.

– Что, тоже очередь на машину подошла?

– Нет, Юрий Васильевич. Класс выпускной. Понедельник. Контрольная по алгебре. Не помню ничего. Домой надо, – я тараторил, изображая эмоционального подростка. Надо добавить побольше драматизма, чтобы поверили, что сильно переживаю. Может выпустят. А то, если буду сидеть невозмутимо, так продержат здесь еще не пойми сколько.

Юрий Васильевич отодрал мои руки от своего халата. Я даже не заметил, когда взял его за грудки.

– Ну, что Вы, голубчик, – в дверях приемного стоял главврач. – Не стоит так переживать.

– Что тут происходит? – раздался громкий, хорошо поставленный строгий голос.

– Бабуля! – я прямо расчувствовался, когда её увидел. Как она вовремя. Я бросился к ней. – Контрольная в понедельник. Надо повторять. Они не отпускают.

Эльвира подошла к нам и поздоровалась со всеми одним кивком головы. Ну, царица.

– Демьян Герасимович. Может, можно юношу отпустить? – спросила она, широко улыбаясь. – Я за ним понаблюдаю. Чуть что, сразу к Вам.

– Эльвирочка Эдуардовна, – Демьян расплылся в такой же улыбке. – Под Вашу ответственность.

– Конечно, – согласилась бабушка, продолжая улыбаться. Доктор пожал протянутую Эльвирой руку, и все разошлись кто куда по своим делам.

– Фууууу, – выдохнул я. Оказывается, я не дышал весь их

разговор, – Ну, бабуля, ты даёшь. Спасибо.

– Иди в палату, – сказала мне Эльвира, и мы со Славкой поспешили подчиниться.

В палате мы ждали недолго. Бабушка принесла мою одежду и обувь. С пальто явно была беда: оно безбожно село после купания в реке, подкладка оказалась значительно больше основного материала. Вот тебе и натуральные шерстяные ткани. Эльвира держала его в руках, молча рассматривая, потом в сердцах бросила на пол. Понимая, что второе зимнее пальто у Пашки Ивлева вряд ли было, я неуверенно спросил:

– Может, дома есть какая-нибудь телогрейка моего размера?

– Поищем, – сказала бабуля каким-то слишком спокойным голосом. – Но я уже завтра за тобой приду. Посмотри, всё остальное подходит? Или тоже мало?

Я посмотрел первым делом ботинки в каком состоянии. Жёсткие ужас. Но носить можно. Брюки тоже сели: доходили только до середины щиколоток. Я посмотрел на бабулю, заметила ли она. Она кивнула головой, мол, вижу.

Шерстяные вязанные носки, вроде, растянулись. Рубашка и бельё были Х/Б-шные и не пострадали. На том мы и расстались. На прощание я обнял бабушку и чмокнул в щёчку.

– Маме привет, – осторожно сказал я. Удивляясь про себя, что она не пришла сегодня.

– Передам, – устало сказала бабуля и ушла. Вскоре ушел и Славка, перед этим высказав мне своё удивление. Точнее,

он признался, что сегодня совсем с другой стороны увидел мою бабу.

Мы остались одни с Иваном. Он был подавлен. Я не стал к нему приставать с расспросами, чувствуя, что где – то серьёзно сгущаются тучи.

Только тут до меня дошло, что сегодня его невеста Вероника ни разу не зашла его навестить.

– Ужин! – раздался из коридора голос буфетчицы.

Из-за всех переживаний этого дня, у меня впервые аппетита совсем не было.

И, вообще, надоело: завтрак-обед-ужин, завтрак-обед-ужин, достало. Хочу на волю.

Вскоре в палату закатилась тележка, и на наших с Иваном тумбочках оказались миски с тушеной капустой и тефтелями, чай и коржик.

Мы с Иваном молча поужинали. И легли, думая каждый о своём. Я не заметил, как задремал.

Проснулся я от тихого разговора. У Ивана были гости. Они обсуждали какой-то неприятный вопрос. Я это понял по тому, что обычно сдержанный Иван безбожно матерился. Я стал прислушиваться.

– Да как так получилось? – воскликнул он.

– Цушко хитрый, сука, – сказал один из посетителей. Я лежал, отвернувшись к стенке, поэтому ничего не видел. По голосу это был молодой человек.

– Точно все рассчитал. Устраивал на лето студенток

из торгового техникума, что практику у него проходили, и свои дела обстряпывал, – услышал я второй голос. – Мерзавец. А эти дурехи и рады.

– Что делать-то, мужики? – услышал я голос Ивана. Он был в отчаянии.

– А что тут сделаешь? Завтра официальная выемка, – сказал второй голос. – Акты попадут к нам в отдел. И всё. Никто ничем не поможет твоей Веронике. Как минимум, это условный срок. Попрут из комсомола с треском, из технаря. Это сто процентов.

Глава 7.

Пятница, 12.02.71 г. Святославская городская больница.

– Но она же не виновата! – воскликнул Иван. – Суд разберется.

– Я бы не был так уверен, – возразил второй голос. – Что написано пером, не вырубить топором.

Я заерзал в койке. Вот почему Вероники не было сегодня. У неё проблемы и, как я понял, большие. Говорилось про выемку документов, похоже на что-то экономическое. Хищение? Подставили девку?

Мозги заработали, привычно анализируя информацию и прикидывая варианты. Во мне проснулся аудитор. Я сам не заметил, как повернулся к присутствующим лицом. На меня никто не обращал внимания.

У Ивана было два посетителя. Молодой парень в гражданке и парень постарше в милицмейской форме.

– Вань, ты меня с первого класса знаешь. Мы с тобой выросли вместе, – умоляющим голосом проговорил молодой парень в гражданке. – Брата моего ты тоже с детства знаешь. Мы всегда с тобой один за всех и все за одного. Вань, но тут ничем нельзя помочь.

Иван молча сидел, свесив голову.

Я сел на своей койке. Мне было жаль Ивана. И его бес-толковую Веронику тоже жаль.

– На кого она учится? – спросил я.

– А ну, скройся! – цыкнул на меня молодой посетитель.

– Я помочь хочу! – с вызовом огрызнулся я.

– Не лезь не в свое дело, мелкий! – присоединился второй визитер.

– Пашка, займись своими делами, не до тебя сейчас, – хмуро сказал Иван и снова заговорил со своими знакомыми.

Да, блин, тяжело быть в теле подростка. Да еще и в Советском Союзе. Никто тебя всерьез не воспринимает. С другой стороны, их тоже понять можно. Дело серьезное, а тут какой-то сопляк-школьник встревает. И тем не менее, матерый дядька-ревизор внутри меня кипел и с трудом держал себя в руках. Я сдержался, не начав хамить им в ответ и начал прикидывать, как все же заставить их себя слушать. Ничего путного на ум не шло, кроме как сыграть на отчаянии и отсутствии у них какого-либо плана действий.

– Вам что, жалко рассказать? – вновь встрял я. – Что вы теряете? У меня идея есть неплохая. Не понравится, отстану.

– Пацан, последний раз предупреждаю, скройся с глаз! – рявкнул один из визитеров.

– Даже не выслушаете что ли?

– Ну все, надоел! – двинулся в мою сторону тот, что помоложе.

– Ладно. Понял. Ухожу. Не хотите, как хотите, – сказал я и шустро выскочил из палаты. Погуляю пока, потом может с Иваном удастся поговорить один на один. Его знакомые

явно не намерены церемониться с неизвестным зеленым пацаном.

Прошелся по больнице, рассматривая стенды и плакаты в коридорах. В который раз поразился тому, насколько давно все это было. Вроде и вспоминается, но как что-то нереальное. Сознание отказывается поверить, что это на самом деле со мной происходит. А еще приводила в смятение гамма противоречивых чувств, которые я испытывал. К радости от того, что попал фактически в счастливые детские годы, да еще и в молодое тело, примешивалась едкая горечь от осознания того, что буквально через пару десятилетий случится перестройка, и все полетит в тартарары.

Так, в раздумьях о жизненных перипетиях, пролетели минут сорок. Наконец, в окно больницы я увидел, как уходят посетители Ивана. Можно было возвращаться в палату и попытаться разузнать подробности произошедшего с Вероникой. Надо только как-то ненавязчиво себя повести, – подумал я, – пусть Иван сам разговор заведет.

Зайдя в палату, я молча лег на свою койку и принялся внимательно изучать потолок. Как я и рассчитывал, Иван был на взводе от полученных новостей и молчать долго не смог.

– Ладно. Что там ты говорил про какую-то идею? – не выдержал он.

– Реально что-то придумал?

– Может быть, – ответил я, садясь на кровати, – это кто были? Я имею в виду, тот, что в форме понятно, а вот второй,

он из ОБХСС?

– Ага, – ответил Иван.

– Мне сначала побольше информации надо, чтобы понять, сработает ли.

– Откуда тебе вообще знать, что в таких ситуациях делать? – снова взялся за прежние разговоры Иван. – Ты же пацан еще!

– Слушай, что ты теряешь? – сказал я как можно более нейтральным тоном. – Не понравится идея, пошлешь.

– Хорошо, и правда, ничего не теряю, что тут теперь уже поделаешь. Хоть какой идее рад будешь, – с горечью сказал он. Так что ты хотел узнать?

– Так на кого Вероника учиться? – быстро повторил я вопрос, пока Иван не передумал.

– На товароведа, – не поднимая головы, ответил он на мой вопрос.

– В чём суть? Можешь кратко еще раз рассказать? – обратился я к собеседнику. – Завтра выемка будет проводиться в рамках предварительной проверки? Или уже возбуждено уголовное дело и на Веронику уже собран какой-то материал?

– Предварительная проверка, – удивленно ответил мне Иван.

– Откуда информация, что Веронику подставили? Документы кто – то видел?

– Да, была возможность. А ты откуда слова-то такие во-

обще узнал в школе???

– Вот тебя это реально сейчас интересует, или будем твою девушку от тюрьмы спасать? – огрызнулся я.

– Девушку спасать! – покорно кивнул Иван.

– Что там конкретно?

– Прошлым летом была списана партия сахара-песка, пятьдесят мешков, две с половиной тонны. Хищение на две тысячи триста пятьдесят рублей, значительный размер. Составлен акт, что мешки водой залило, так как крыша протекла. Подписантов трое, в том числе Вероника. Она у Цушко практику проходила и на лето к нему же и устроилась.

В январе он опять десять мешков гречки списал: мыши съели и кот обоссал, которого завели, чтобы с мышами бороться. У Вероники там преддипломная практика сейчас. Ее один из моих сослуживцев опросил сегодня предварительно. Она много еще чего рассказала, по мелочи, но это всё так, ерунда. Потянет только на смягчающие в суде, – он махнул рукой с досадой. – Эх, если бы она летом сразу к нам пришла!

– А, кстати, почему не пришла? – уточнил я. – Чем объяснила?

– Что не поняла сперва ничего, – рассказал Иван. – Потом начала догадываться, но сомневалась. Цушко хитрый. Чужими руками жар загребает. А сам похищенную социалистическую собственность на рынок в Брянск свозит.

– Наверняка, еще и запугал девчонку, – предположил я. – Ты поспрашивай у неё. Если он ее шантажировал подписью

в том акте, это тоже как смягчающее можно использовать.

– Хорошо, поговорю.

– Короче, всё дело в акте, который завтра будет изыматься со всем остальным. Так?

– Так.

– Других компрометирующих ее документов нет? – уточнил я.

– Нет.

– Выемка где будет производиться? Что это, магазин? Склад?

– Торговая база.

– Может, сжечь её нафиг? – предложил я.

Иван посмотрел на меня, как на полоумного.

– Не, жечь нельзя, – ответил он. – Там же сторож.

– Хорошо. Сторожа жечь не будем, – рассмеялся я. – А если серьёзно, как далеко ты готов зайти, чтобы Веронике помочь?

Иван молчал и смотрел на меня каким-то непонятным взглядом. Я понял, что вишу на волоске. На дворе ведь семидесятые. Самый что ни на есть махровый социализм и люди, которые искренне верят в идеалы и светлое будущее. А тут я задаю непонятные вопросы. Я напрягся слегка, но потом решил, что, если что, все смогу списать на свой возраст и полученную ранее травму. Мол, неуравновешенный подросток, что с меня взять.

– Был однажды такой случай, – начал я, – читал где-то. На-

блюдала милиция за одним спекулянтом. Схему аферы поняли, доказательств вагон собрали, выемку делали по всем правилам. Чтобы спекулянт никак не мог выкрутиться. А тот давай из себя Невинность разыгрывать, да я не я и хата не моя. Выемка была большая, материалов изъяли много. А везти не на чем. Спекулянт такой, смотрите, какой я честный: следствию помогаю, предложил операм своё авто, чтоб выемку до отдела довести. А тем делать нечего, не на себе же тащить. Набили они коробки с документами спекулянту в машину под завязку. И тот повез. А на ближайшем светофоре из машины дымок повалил. Что-то там в машине, мол, неисправно было. Коротнуло. Полыхало так, что ничего спасти не удалось, ни авто, ни документы. Сам спекулянт еле выскочить успел, дверцу в машине заело.

– Когда, говоришь, этот случай был? – переспросил Иван.

– Да, не важно. Давно. Идея понятна? – спросил я, многозначительно глядя на него.

– Короче, – начал рассуждать Иван. – То, о чем ты говоришь, должностное преступление. Так поступать нельзя, неправильно это. Но с другой стороны, если ничего не сделать, то невиновного накажут, а настоящий преступник на свободе останется.

Он еще немного посидел молча, о чем-то раздумывая про себя. Я не вмешивался.

– Я попробую уговорить коллег отложить выемку хотя бы на неделю, – наконец решившись на что-то, сказал Иван. –

Посмотрим, что можно сделать. Попытаться исправить ситуацию обязательно надо. Выйду из больницы, что-нибудь придумаю.

– Я тоже так думаю, – сказал я Ивану. – Такое спускать с рук этому Цушко никак нельзя. Да и Веронику очень жалко. Ей этот случай всю жизнь испортит.

Иван согласно закивал головой.

– Только смотри Пашка, никому ни слова, – внушительно насупившись, сказал он мне. – Чем меньше людей знают обо всем, тем лучше. Нельзя об этом рассказывать ни дома, ни в школе.

– Да я ж понимаю, не дурак, – ответил я ему, – от меня точно никто ничего не узнает. Тайны хранить умею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.